

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Эми
Шарм

МОИ
(НЕ) ЖЕЛАННЫЙ
Матвильш

Элли Шарм

Мой (не)желанный малыш

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69495340

SelfPub; 2023

Аннотация

Мой отец всей душой ненавидел Стэфана Дицион, как только можно ненавидеть конкурента по бизнесу! А сейчас... хочет продать меня Стэфану за свою чертову компанию! Не может смириться со статусом банкрота. Мне придется согласиться, у меня просто нет выбора. Меня никто не спрашивает, а ставят перед фактом. Должна – и точка!

Элли Шарм

Мой (не)желанный малыш

Пролог

– Ну, что, вернулась? – отец небрежно кивает подбородком на расстёгнутую сумку с наполовину вываленными на кровать в спешке вещами.

Смахнув с лица прилипшие пряди волос, поспешно вытираю крупные слезы тыльной стороной ладони. Пусть думает, что мое лицо мокрое не от слез, а от дождя. Не хочу, чтобы видел, насколько я сломлена! Боюсь, если скажу хоть слово, голос подведет, сорвется... Так тошно, что сил нет! Поэтому просто киваю, не поднимая глаз.

А когда все-таки решаюсь, натыкаюсь на холодные голубые, будто острые прозрачные кристаллы, глаза. Его взгляд, словно непроницаемая стена тумана в Арктике. Кажется, еще немного – и изо рта пар пойдёт. Мои слезы и трясущийся подбородок, похоже, не находят отклика в сердце родителя. Не трогают ни на йоту!

Он кривит с издевкой уголок рта, а затем небрежно бросает:

– Я говорил, что он тебя бросит, – каждое слово будто хлесткая пощечина, – но даже я просчитался. Не думал, что это произойдет настолько быстро.

Ежусь в беззащитный комочек. Заламываю пальцы, пы-

таясь разглядеть хоть что-то похожее на сочувствие в каменном лице отца. Только вот кроме высокомерия в классических чертах абсолютно ничего не нахожу. Надежда тает, словно иллюзорная дымка, на смену ей поднимает безобразную голову клыкастое разочарование. Оно впивается, словно клещами в мое сердце. В голове только одно слово, будто в оглушающий гонг бьет: ЗАЧЕМ?! Боже, ЗАЧЕМ он это все говорит?! Неужели не видит, в каком я состоянии?! Буквально на краю пропасти стою. Один неверный шаг и...

Промокшая под дождем, словно церковная мышь, с кругами под глазами из-за бессонной ночи, разбитым вдребезги сердцем... Горько усмехаюсь. Нашла у кого сочувствия искать! Только не в этом доме и не от этого человека.

Как всегда, одет с иголки – классический костюм, отутюженные брюки с идеальными стрелками и белоснежная накрахмаленная рубашка. Хозяин одного из крупнейших медиа-холдингов – Зимин Борис Сергеевич – никому никогда не прощает ошибок. Жаль, что отец не понимает, что я не одна из его подчинённых, а дочь!

Уголки губ горестно опускаются. Все в его жизни должно быть идеально. Только вот я оказалось не такой. Бракованная! Не оправдала возложенных на меня надежд. Все испортила. От этой идеальности аж зубы сводит. Не удивительно, что я бросилась в объятия этой сволочи. Даже имя его не хочу произносить после того, как он поступил со мной. Его больше не существует для меня!

А ведь мне казалось, что рядом с ним, я могу быть самой собой. Ни чьим-то проектом, не дочкой крупного известного в широких кругах бизнесмена.

Машинально встречаюсь взглядом с отцом, который с самого начала знал, что из себя представляет его конкурент по бизнесу. С трудом выдерживаю взгляд пронзительных холодных глаз. Ежусь, будто от холода, но не сдаюсь. Инстинктивно обхватываю себя за плечи, чтобы хоть как-то унять пронзающую насквозь дрожь. Я должна быть сильной! В этот мир мы приходим одни, и уходим тоже. Все самое ценное, что у меня есть – это я сама и...

– Ну, что молчишь? – не успокаивается отец. В равнодушном тоне начинают звучать едва уловимые ноты раздражения. – Язык проглотила?

Каждое слово отца ржавыми ножницами рвет на кровавые лоскуты мое самообладание и почти полностью уничтоженную гордость. Разве он не видит, как мне больно?! Да я почти окончательно раздавлена! Разве ЭТО стоит того, чтобы именно сейчас, в эту минуту, тешить свое самолюбие?!

– Да, мы расстались! – выкрикиваю с болью, сжимая кулаки. – Ты был прав! – утираю слезы, что льются потоком по бледным щекам. – Теперь ты доволен? Все вышло так, как ты и...

Отец сводит брови на переносице. Впервые, с момента, как зашел в мою комнату, на его лице появляется самый настоящий ураган эмоций.

– Нет, не доволен! – цедит, перебивая.

Только сейчас я замечаю в одном из чувств отражение так хорошо спрятанного беспокойства в его глазах. Это длится всего какие-то считанные секунды. Взгляд отца вновь становится таким как обычно – циничным и жестким.

– Я с самого начала говорил, что ты ему нужна лишь для того, чтобы добраться до МЕНЯ. Месть – это все, что интересует этого подонка!

Мотаю головой так, что длинные мокрые пряди волос падают на лицо. Прижимаю ладони к ушам. Не хочу все это слышать! И пусть это очевидный факт. Из груди вырывается жалкий всхлип, и я с силой зажимаю дрожащей ладонью покусанные до крови губы. Отец прав. Как я могла повестись на сказки этой сволочи? Дура! Наивная дура!

– Хватит реветь! – одергивает отец, глядя на то, как во мне начинает зарождаться самая настоящая истерика. – Ты забудешь про этого выскочку. Ты меня поняла? – в голосе звучит самый настоящий ультиматум.

Передо мной не мой папа, а жесткий человек, бизнесмен Зимин Борис Сергеевич.

– С этого дня произносить ЕГО имя в моем доме запрещено! Все свое время посвятишь учебе, Катя. С Ильей обратно мосты наведешь.

Имя жениха ничего кроме пустоты в душе не вызывает. Глухо, безнадежно, уныло.

– Парень чуть с ума не сошел, пока ты шашни этим вы-

скочкой водила!

Прикусываю губу, чтобы сдержать рыдание. Ведь отец еще не знает самого главного. Боже! Я погибла! Даже, если очень захочу, я никогда уже не смогу полностью вычеркнуть из своей жизни Стэфана. Все потому, что... Прикусываю губу, собирая остатки духа:

– Пап, – почти шепчу хриплым срывающимся голосом, – я беременна...

Отец машинально берется за галстук, будто это удавка, которая мешает дышать. Его глаза недоверчиво округляются. Вопрос звучит так сипло, что я почти не узнаю его потрясенный голос:

– Что?! – из его груди вырывается странный сдавленный звук. На секунду даже пугаюсь, что его накроет сердечный приступ. – Ты... уверена?

Впервые за все время, в его глазах отчетливо отражается страх, который тут же трансформируется в лютую ненависть. Нет, не ко мне, а к предавшему меня мужчине!

Должно быть, в моих глазах можно без труда найти ответ на вопрос, потому что кулаки отца конвульсивно сжимаются, и он выплевывает сквозь зубы:

– Ребенка не будет! – ноздри отца трепещут от бешенства. Кажется, что ему не хватает воздуха от той ярости, что накрывает его одной волной за другой. – Завтра же избавишься от ЭТОГО...

Испуганно делаю шаг назад. Буквально чувствую, как от лица отхлынула вся кровь. Сейчас я такая бледная, без единой кровинки, что самое время в гроб класть. Первый шок отходит, и я уже готова защищать своего еще нарождённого такого для всех нежеланного малыша.

– Это и мой ребенок! – вскидываю подбородок, твердо встречая неумолимый взгляд отца. Впервые готова биться насмерть – за жизнь своего малыша. – И я решила рожать!

– Дура! – орет отец, но тут же берет себя в руки. – Ты себе всю жизнь загубишь. Подумай, Катя. Что ты творишь, дочь?!

– Это не обсуждается.

На какое-то мгновение даже горжусь собой. В моем голосе сталь и что-то такое, от чего отец понимает, что спорить, а тем более, настаивать совершенно бесполезно.

– И не забывай, что у меня слабое сердце.

В уголках жесткого неподатливого рта появляются горькие усталые складки. Он помнит и, наверняка, никогда не забывал.

– Хорошо, – желваки буквально ходят ходуном по гладко выбритым острым скулам. – Я все улажу. Ты выйдешь замуж за Илью. Он примет... – морщится, как от зубной боли, – твоего ребенка. Не волнуйся, не попрекнёт и словом. Не зря, несмотря на все это безобразие, что ты исполняла в последнее время, он не отказался от идеи женитьбы на тебе.

Опускаю голову, принимая поражение. Отец прав. Я должна выйти за Илью. Одной мне не справиться. Я просто

не выдержу все сплетни, заголовки в желтых газетах, которые будут кричать на каждом углу, что единственная дочь известного бизнесмена в положении, не будучи замужем. А уж сложить дважды два, кто именно отец ребенка им не составит большого труда. Не вынесу такого позора, ведь я стану очередной из длинного списка «однодневок».

– Я выйду за Илью.

Отец в три шага оказывается возле меня.

– Вот и славно! – словно собачонку треплет по насквозь промокшим светлым прядям волос. – Я все решу. Кстати, – отец небрежно кидает на кровать конверт, из которого, шлёпнувшись на покрывало, вылетают в хаотичном беспорядке фотокарточки. – На досуге посмотри это.

Пару неверных шагов и в моих пальцах фото. Фото, на которых некогда мой любимый мужчина запечатлен с рыжеволосой женщиной. Они выглядят такими счастливыми. Больно невыносимо! Рядом с ними маленькая девочка с забавными хвостиками – рыженькая – такая же, как и ее мать. Дыхание сбивается. Кажется, еще немного и задохнусь! Прячу лицо в ладонях. Плечи дрожат от понимая того, что моя жизнь больше никогда не станет прежней. В голове не укладывается весь масштаб предательства любимого человека!

Будь ты проклят, Стэфан Дицони! Будь ты проклят, что обманул меня, разбил надежды и уничтожил жизнь! Ты никогда не узнаешь о нашем ребенке! НИКОГДА!

Глава 1

Катя

– Пусти! – пытаюсь вырвать руку из стального захвата. Только вот все мои старания бесполезны. Он-то вон какой! Каланча! Еле до могучего плеча макушкой достаю. Ууу, настоящая гора!

– Куда? – едко цедит мужчина, кивая на распростёртое на земле тело «ухажера», который приставал ко мне еще мину-ту назад. Ровно столько понадобилось брюнету, чтобы обездвигнуть подонка. Морщится брезгливо, разглядывая тушу у своих ног. Встряхивает рукой, сжимая и разжимая кулак. – Вон, уже повеселилась! Оторвалась!

Отвожу взгляд от тучного здоровенного тела байкера с разбитым бородатым лицом. Непроизвольно плечом веду. Жалости нет – ни сколечко! Одна лишь брезгливость. Толстый навозный жук. Поделом!

Вспыхиваю до корней светло-золотистых волос, когда понимаю, что замечание спасшего меня мужчины более, чем справедливы. Каждое его слово звучит, как грязное ругательство. Кровь в жилах огненной лавой клокочет. Да кем он себя возомнил?! Да, спас! Спасибо! Однако, отчитывать меня никакого права не имеет!

– Я такси вызову, – дерзко пытаюсь вырвать руку. От усилий аж щеки надуваю.

Игнорирует. Настойчиво тянет в сторону черной, матовой, спортивной тачки. Что самое унижительное – он делает это совершенно без труда! Ну, куда мне с моими пятью-

десятью килограммами? Окидываю оценивающим взглядом мощную спортивную фигуру. Переть против двухметрового центнера хорошо развитых мышц?!

Он, тем временем, достает из заднего кармана темный брелок. Машина, словно приветствуя, мигает ярко-желтыми фарами. Дорогая. Стильная. Очень даже подходит ее обладателю! Открыв дверь, без усилий вталкивает упирающуюся меня в салон. Обходит машину и, как только садится на водительское сидение, пронзает почти насквозь своими странными глазами. Гетерохромия... Один глаз синий, как штормовое море, второй – зеленый, с золотисто-карими искрами у самого зрачка. Игнорирует мой любопытный взгляд. Должно быть, ему не привыкать к пристальному вниманию.

– Где он?

– Он? – повторяю непонимающе, чинно складывая руки на коленях.

На высоких скулах незнакомца ходуном желваки ходят. Похоже, мягко говоря, его до белого каления доводит, что со мной возиться приходится.

– Парень твой, – приподнимает бровь, словно удивляясь моей глупости. – Не одна же ты в клуб пришла?

Щеки вспыхивают, и я бормочу:

– В командировке, – почему-то становится так не по себе, будто в каком-то тяжком грехе призналась. – Я здесь с подругой была, но мы поссорились. Она уехала.

Загорается подсветка центральной консоли и простран-

ства в ногах. Мужчина слегка наклоняет голову набок. Пристально изучает.

Непроизвольно, впервые обращаю внимание на то, как он хорош собой. Непозволительно хорош... Квадратная мужественная челюсть, небольшая ямочка на подбородке, высокие, хорошо вылепленные скулы. Обрамленные густыми черными ресницами странные, но такие притягательные, глаза. Красивый! Не слащавой красотой, а какой-то грубой, первобытной. Нос слегка кривой...

Видать, байкер не первый, кого мой спаситель в нокаут отправил. Теряюсь. Интересно, сколько ему лет? Даже смущенно прядь волос за ухо убираю, несмело разглядывая его из-под длинных ресниц.

До этого, в темноте, у меня не имелось возможности как следует его рассмотреть. Да, честно говоря, и не до этого было. Все, о чем я думала в тот момент, когда он размазывал моего обидчика по асфальту, как же мне крупно повезло, что хоть кто-то заглянул в самый темный уголок территории клуба.

Только вот, похоже, мои слова его еще больше злят. В глазах лютая ярость горит.

– Если бы я был на месте твоего отца...

Моментально забываю о симпатии. Вспыхиваю с полуоборота, словно пороховая бочка!

– Слава Богу, ты мне не отец и не жених! – и для убедительности добавляю: – И на их месте никогда не будешь.

– Да, – соглашается. Голос звучит как-то странно глухо, но не могу уловить, что именно смущает. – Слава Богу. Потому что на его месте, – приподнимает густую соболиную бровь, – я бы тебя отходил ремнем так, что сидеть неделю не смогла бы.

Последние слова звучат так угрожающе, что непроизвольно за ручку автомобиля хватаюсь. Громкий щелчок дает понять, что с этого мгновения дверь наглухо заперта. Да и еще эти окна тонированные! Разве это законом разрешено? Черт те что!

– Выпусти меня! Немедленно! – приказным тоном обращаюсь к мужчине.

Только он не считает должным реагировать на мою просьбу-приказ. Поворачивает ключ зажигания так резко, что машина на месте дергается.

– Ты хоть представляешь, – повышает тон, сжимая крепче челюсти, – что бы с тобой было, не появись я вовремя?

Тяжело сглатываю. В голове еще живы те мазкие липкие слова, которыми обидчик подкреплял свои хамские по отношению ко мне поползновения. Молча отворачиваюсь. Не хочу подтверждать, что мой спаситель безоговорочно прав. Если бы не он, страшно подумать, чем бы закончился мой беспечный вечер. Только благодарить я не привыкла – все как должное принимаю. По крайней мере, все так думают. У меня же нет сил и желания доказывать обратное. Неблагодарное это дело.

Машина трогается с места. Еще минута и клуб остается далеко позади нас. За стеклом мелькают неоновые вывески круглосуточных магазинов и посаженные вдоль всей дороги ветвистые деревья. В голове не укладывается, как далеко меня занесло от дома. И надо было Полинке выбрать клуб за чертой города?! Вот я ей завтра взбучку устрою! И плевать, что мы больше не подруги! Все равно устрою.

Полная тишина давит, как и тяжелая аура мужчины за рулем, поэтому тянусь к магнитоле. Он перехватывает мою руку, не позволяя нажать на светящиеся кнопки. Смотрит из-под бровей, крепко сжимая мои пальцы.

– Прежде, чем что-то сделать, разрешения у хозяина машины надо спросить, – отчитывает.

Меня от прикосновения его горячей мозолистой ладони трясет, будто все двести двадцать вольт ударили. Отдергиваю руку и меж колен прячу.

– Тебе хоть восемнадцать есть? – спрашивает, словно между прочим, ладонью прокручивая руль. – По таким заведениям шастать. Что это на тебе? – ерничает. – Пояс от юбки? А где сама юбка?

Глава 2

Катя

Не знаю, что за черти дергают меня за язык, но совершаю самую страшную ошибку в своей жизни:

– А у тебя? – с намеком бросаю взгляд на темно-серые джинсы. Проклятый язык без костей! Тащит меня за собой

все глубже, в трясину. – Восемнадцать есть? – мучительно краснею, понимая, что именно брякнула. Называется, осадил... Ой, дураа-а!

В разноцветных глазах мелькает искреннее удивление. Громко присвистнув, брюнет замечает угрожающе спокойным тоном:

– Значит, у котенка ядовитый язычок и острые зубки?

Тянется убрать порядком надоевшую мне прядь волос с глаз, но вместо благодарности бью его резко по руке.

– Как ты смеешь прикасаться ко мне? – кричит во мне уязвленная гордость. Смахивая прилипшие к нежной коже щеки пряди, выдаю: – Ты... ты – мерзкое животное! Останови здесь! – притихнув, наблюдаю за тем, как он сворачивает на обочину.

Одним быстрым движением хватает меня за копну русых волос, грубо притянув к себе, заставляет посмотреть в свои потемневшие от ярости глаза.

– Если я тебя высажу на улице, неблагодарная девчонка, ты хоть представляешь, что с тобой сделают? – рычит мне в лицо. – Если бы не твой юный возраст, я бы сейчас показал тебе это во всех подробностях и не раз!

Несколько мгновений он сердито смотрит на меня сверху вниз. Темно-синяя вена бьется с бешеной скоростью на жилистой шее.

– Адрес?

– Извини, не знаю, что на меня нашло, – еле лепечу, стя-

гивая ниже материал стрейч красной юбки. – Улица Первомайская, дом четыре.

На секунду в его глазах мелькает что-то странное, неуловимое. Кажется, впервые за все это время я смогла по-настоящему разозлить этого красивого мужчину. Глаза сужаются, и он резко выпускает мое запястье.

Потирая саднящую кожу, прикусываю нижнюю губу. Как я могла сморозить такую пошлость?! Еще и наорать... Это ведь не какой-то мой одноклассник-одногруппник и даже не Илья. Это взрослый серьезный мужчина. Такой в игры играть не будет. Мой дурной характер ему как нечего делать сломать. Да что бы я хоть раз еще подошла к проклятому бару! Как теперь вообще ему в глаза смотреть?!

Растеряно слежу за тем, как мужчина плавно ведет машину. Крупные руки, увитые венами, без усилий с отточенным годами опытом поворачивают неспешно руль. Машина скользит по асфальту, будто по воздуху плывет. Все бы ничего, но неожиданно понимаю, что он везет меня вовсе не домой, а в ближайшую... лесополосу?! Сердце, дернувшись, летит прямиком в пятки. Ухает глухо – даже эха нет.

Голос почти не слышится, когда, испуганно вглядываясь в лобовое стекло, лепечу:

– Куда... куда ты меня везешь?

Игнорирует. Лишь сильнее сжимает руль – так, что костяшки пальцев белеют.

– Остановись, немедленно! – голос срывается от страха,

ведь только сейчас я понимаю, что оказалась в машине совершенно незнакомого мне человека.

Тошнота комом в горле застревает. В уголках глаз собираются соленые слезы. Ну, все, приехала ты, Екатерина Борисовна! Теперь только с собаками найдут! Кошусь, вглядываясь в суровое лицо. Только вот оно непроницаемое. Ни один мускул не дрогнет.

Все жду, когда он улыбнется и скажет, что пошутил. Психанул! Только вот этого не происходит! И лишь спустя бесконечно долгое мгновение он нехотя отвечает:

– Как скажешь, – говорит непроницаемым голосом, после чего подчеркнуто вежливо добавляет. – Принцесса.

Резко ударив по тормозам, останавливается в какой-то непроглядной глуши. Лишь елки пушистые кругом и ни одной живой души. Только он и я! Испуганно сжавшись в беззащитный комочек, смотрю, как мужчина поворачивается всем мощным корпусом ко мне. Его взгляд теряет все то видимое безразличие, с которым он еще пару минут назад вел автомобиль.

С моих глаз будто шоры упали. В его взгляде словно взрывной ядерный коктейль бурлит. Ярость, раздражение и ничем не прикрытая... дикая похоть! Скользит жадным взглядом по моим обнаженным стройным ногам, почти ни-сколечко не прикрытым юбкой. Щупает нахальными глазами все, что под белым топом от чужих глаз спрятано. Испуганно

охаю, когда он резко подается ко мне. Широкая ладонь за- рывается в мои распущенные волосы на затылке на подобие гребня. Оттягивает светло-золотистые пряди назад так, что приходится запрокинуть голову. Прежде, чем успеваю хоть что-то сообразить, на губы обрушивается неистовый по сво- ей силе дикий поцелуй.

Он жалит, словно тысяча пчел! Нежную кожу почти нестерпимо жжет от этого изошрённого насилия. Упираюсь кулачками в широкие неподатливые плечи. Чувствую, как перекатываются мощные узлы мышц под пальцами. На ка- кое-то мгновение кажется, что даже мои ногти ломаются о его мускулистую, словно каменная глыба, грудь. Ладони та- ким жаром обдаёт от смуглой кожи, что, кажется, еще чуть- чуть и я расплавлюсь.

Он глотает, как истрадавшийся от жажды в пустыне пут- ник, мои судорожные тихие вскрики. Хозяйничает во рту, словно завоеватель в сдавшейся крепости. Упивается своей властью. Разве от такого стоит ждать пощады? Очень наивно и глупо...

Делаю судорожный глоток воздуха, когда жесткие, четко очерченные губы наконец-то оставляют мой припухший от поцелуя рот. Голова кружится. Моргаю так, как будто обухом топора по голове ударили.

– Раздевайся! – резко бросает. Безжалостно смотрит в мое до смерти перепуганное лицо, а затем делает то, от чего бук- вально в ступор впадаю.

Дергает мой топ вниз, выставляя на показ совершенно незащитные под его страстным взглядом бурно вздымающиеся пышные полушария груди.

– Пожалуйста! – умоляюще прикрываю едва спрятанную за бюстгальтером без лямок грудь руками, чтобы хоть как-то защититься от горячего взгляда мужчины, буквально проникающего под самую кожу. – Не делайте этого!

– Этого? – язвительно улыбается и тянется пальцами к пряжке своего фирменного ремня. Ее звон в ушах эхом отдает. – Как раз это я и собираюсь сделать. Ты слишком красивая куколка, чтобы я упустил такой шанс.

Глава 3

Катя

– Зачем вы меня спасали, – глотаю слова, почти задохаясь от ужаса, – чтобы самому...?!

– Зачем спас? – холодно повторяет мой вопрос. Опытные пальцы без лишних усилий задирают одним движением подол моей непростительно короткой юбки. – Все просто.

Кусаю губы почти до крови. Миллиард искр в его глазах устремляются к черному, как ночь зрачку, когда становится видно край резинки моих тонких, как вторая кожа, телесного цвета чулок. Смотрит на меня, как на глупышку.

– Разве не понятно? – меж губ мелькает полоса белоснежных зубов. – Хочу тебя себе. Ты ведь девственница?

Проникает большим пальцем под чашечку бюстье. Прирагивается шершавой подушечкой пальца к нежной тонкой

коже груди.

– Никогда не было невинных...

Боже, я пропала!

– Я не девственница, – вру и не краснею. Специально упоминаю об Илье, чтобы пыл мужчины остудить. – У меня же жених есть.

С ужасом думаю о том, что столько времени берегла себя. Ничего лишнего даже Илье не позволяла. И что? Для этого мужлана?! Который без зазрения совести готов уничтожить, безжалостно растоптать самое ценное, что есть у девушки! Слезы брызжут из глаз, когда другой рукой не больно, но достаточно ощутимо, он обхватывает мой подбородок. Неумолимо заставляет посмотреть в глаза, в которых плещется буря. В одно мгновение мир будто останавливается... и он тоже.

– Прикройся, – цедит сквозь зубы. Его слова не сразу доходят до моего парализованного страхом мозга. – Это будет для тебя уроком, малышка.

Когда я всё-таки понимаю, что мужчина имеет ввиду, принимаюсь рыдать, обхватив себя за плечи. Меня так трясет, что, закрыв глаза, стискиваю сильнее зубы, чтобы унять эту проклятую дрожь. Хватаю приоткрытым ртом воздух. Зажмурив сильнее глаза, все еще не верю в то, что он... что этот зверь ничего не собирается делать со мной.

Моих глаз, а затем лба касаются в легком невыносимо нежном поцелуе жесткие губы. Костяшки пальцев, едва до-

трагиваясь, по коже алеющей щеки проходятся. Контраст его суровых слов и ласковых прикосновений заставляет заискриться все инстинкты, превращая их в оголенные провода.

Я, словно безропотная кукла, беспомощно позволяю горячему шелковистому языку проникнуть в тёплую влажность моего рта.

Ощувив мою податливость, он что-то глухо рычит, довольный, что не оказываю никакого сопротивления. А у меня просто нет сил! Будто весь дух выбили, на колени поставили...

Ощущая мое стояние, мужчина неуловимо меняется. Поцелуй становится безумно чувственным, сладким. Под моей ладонью, словно отбойный молоток хаотично стучит мужское сердце. Кажется, что оно сейчас сойдет с «рельс» на полном ходу и пробьет эту каменную грудь. Вырвется на свободу!

Будто сквозь туман, меня посещает странная мысль: это что же получается? Я так на него действую? Сильные пальцы перебирают на затылке спутавшиеся пряди моих волос. Приглаживают их, ласкают пропуская меж собой длинные шелковистые локоны. Касаются шершавыми подушечками моих плеч. Вверх-вниз... Гладят их, от чего каскад мурашек вдоль позвоночника мчится.

Еще мгновение и – я на свободе. Стыдливо отворачиваюсь, пока он поправляет выпирающую ширинку на штанах. Эту внушительную выпуклость просто не реально игнори-

ровать. Случайно ловит мой взгляд затравленного зверька в зеркале дальнего вида. Смуглые пальцы останавливаются. Чертыхнувшись, в одно мгновение заграбастывает в крепкие удушающие объятия. Уткнувшись в его грудь, судорожно вдыхаю аромат крепкого табака с нотками ванили. Будто дамбу сильнейшим течением срывает. Реву так, что в ушах звон стоит.

– Тсс-с, не надо, маленькая, – приминает мои губы большим пальцем, надавливая на сочную мякоть припухшего от поцелуя рта. В хриплом голосе отчетливо слышно беспокойство. – Не плачь. Подумаешь, чуть испугал. Ты не думай, не обижу.

Поднимаю на него перепуганные, полные соленой воды, словно огромные озера, глаза.

– Зато впредь свою блондинистую голову будешь включать. Здесь тебе не звездная, никто гонор терпеть не будет. Не реви, – повторяет, приподнимаясь, чтобы из заднего кармана джинс, должно быть, носовой платок вынуть. Только вместе с ним заодно вынимает шуршащий пакетик фольги.

Мои мышцы мгновенно каменеют.

Бросив на меня быстрый осторожный взгляд, вновь приподнимается.

– Пардон, – забавно извиняется, пряча обратно на свое место презерватив.

Стараясь отвлечься, полностью сосредотачиваю внимание на синем с белыми полосками платке, с красиво вышитыми

вручную инициалами «Л. Д.» «Л.»? Как же его зовут? Нет! Не хочу знать! Так проще будет забыть весь этот кошмар! Прежде чем воспользоваться платком, оглядываю ткань со всех сторон, а уж затем, без зазрения совести, с шумом высмаркиваюсь в квадратный ситцевый лоскут.

Невесело усмехается, глядя на то, как я совсем по-детски прикладываюсь к его носовому платку. Несколько минут еще хлюпаю жалобно носом, пока мой спаситель, а точнее, сказать – мучитель, мчится по центральной дороге так, что яркие фонари в глаза бьют.

Останавливается возле массивных ворот напротив моего дома. Не дожидаясь дальнейших приказов, дергаю как не в себя ручку двери. Прохладный свежий воздух бьет в лицо, охлаждая от слез чувствительную кожу щек. Отбегаю на приличное расстояние от машины. Меж лопаток будто острозаточенный нож насмешливый голос бьет:

– А как же спасибо?

Ненавижу! Чувствуя себя в относительной безопасности, вновь ощущаю прилив отчаянной дерзости. Обернувшись, показываю средний палец в вытянувшееся от удивления мужественное лицо. Да, такие, как он, привыкли, что все перед ними лебезят. Фиг ему! Не на ту напал! Пусть свои уроки в одно место себе засунет!

– Пошел к черту, сволочь!

– Ну, что за дьявольская кошка! – мне кажется или в его

голосе слышится восхищение? Кривит красиво очерченные губы, будто наслаждаясь моим острым ответом, а затем, задумчиво проведя по затылку, добавляет. – Дрянная девчонка! Придется твоему дерзкому язычку преподать еще один урок.

Почему-то перед глазами, как наяву, появляется ширина его «левайсов». Испуганно пячусь назад. Нежную ступню пронзает боль. Должно быть, камешек впивается в тонкую кожу. Только сейчас до моего понимания доходит, что одна из туфель осталась в машине. С каким-то глупым раздражением думаю о том, что чертовы туфли стоят целое состояние! Несколько месяцев у отца выпрашивала. Проклятье!

– Не сегодня...

Мужчина, положив локоть на дверцу с опущенным стеклом, оглядывает ленивым ласкающим взглядом с ног до головы, а затем всего парой слов вгоняет в ступор:

– Спокойной ночи, Катя.

Потрясенно моргаю, потому что человек, который только что довел меня до истерики, назвал по имени!

Сполна насладившись мой ошарашенным выражением лица, брונет, криво усмехнувшись, бьет по газам. Взвизгнув шинами, машина с бешеной скоростью мчится вперед, оставляя за собой едва видимую в темноте сизую дымку.

Глава 4

Катя

Никем не замеченная, стою в стороне, наблюдая за тем,

как мама раздает нетерпящим возражения тоном указания персоналу. Они полностью поглощены и сосредоточены на работе, лишь бы угодить во всем Зиминной Светлане Юрьевне.

Изящными движениями рук в воздухе хозяйка дома указывает штату из высококлассно вышколенных слуг, будто танцевальные «па» выдает. Каждый раз поражаюсь тому, как она это делает. Претенциозность и надменность каждый жест подчеркивает. Знает свой статус, наслаждается им – все как должное принимает. Не зря в ее венах голубая кровь польских аристократов течет, о чем ни раз отец с гордостью и амбициями заявлял. Несмотря на то, что они в браке больше двадцати лет, он как будто до сих пор кичится тем, что породнился с такой знатью, как Якубовские.

– Закуски вынести вместе с игристым, – мать приподнимает тонкую светлую бровь. – Никаких пауз.

Оглядывает снисходительно съезжившуюся перед ней девушку в строгом синем переднике и белой блузе, полы которой спрятаны за поясом длинной юбки. Все пуговицы верха наглухо застегнуты, до самого горла.

– Все должно быть вовремя, как только гости займут места. Минута в минуту.

На секунду представляю, как неудобно Дарье. В глубине души шевелится жалость. Попробуй подыши в таких тисках. Безошибочно догадываюсь, что всю форму рабочим тщательно и скрупулёзно мама сама подбирала. Вижу ее руку да-

же в том, в какую именно юбку блуза заправлена. Абсолютно прямого строгого покроя – такую же неприступную, как и верх формы.

– И, ради Бога, Дарья, не забудь бутылки охладить! – заносчиво добавляет мама, приподнимая подбородок. – А то будет, как в прошлый раз. У меня нет желания вновь перед гостями краснеть.

– Да, конечно, Светлана Юрьевна, – поспешно кивает девушка, понимая, что именно этого от нее и ждут. Беспокойные пальцы подол фартука теребят. Такое ощущение, что самое ее большое желание в эту минуту, спрятаться за кухонным островком так, чтобы от холода голубых глаз хозяйки особняка укрыться.

Меня не удивляет ни смиренный тон, ни то, что брюнетка не смеет глаз поднять, пока ее отчитывают. Таковы правила этого дома – смирение и подчинение – другого не дано.

Мать отводит взгляд от принявшейся тут же исполнять свои обязанности Дарьи. Прикрыв глаза, подушечками пальцев прикасается к вискам, слегка массируя. Морщится, будто сильная головная боль мучает.

– Катя? – настойчиво произносит мама, уступая своим же правилам, что леди не должна ни в коме случае неприлично громко голос повышать. Будто что-то вспомнив, спохватившись, вычеркивает ручкой из длинного списка ежедневника какие-то записи, и вновь повторяет. – Катя?!

Делаю шаг вперед, выходя из своего «убежища», выдавая

свое присутствие на кухне.

– Я здесь, мама.

– Дочка... ты давно здесь? – поднимает на меня слегка растерянные глаза, так напоминающие холодные ледяные воды реки. На секунду на ее лице мелькает смущение. – Не заметила тебя, дорогая! – мама привычным жестом заводит светлую, почти платиновую, выбившуюся из элегантно прически-ракушки прядь за ухо. Судя по тому, как она была увлечена отсчитыванием персонала, не удивительно, что она не заметила моего присутствия. Поджимает с легким недовольством губы. – Ты слышала? – в ее голосе звенят чопорные ноты. – Разве их оставишь без присмотра? Приходится все контролировать!

Во мне поднимается что-то жесткое и неуступчивое, и оно заставляло меня в эту секунду ненавидеть маму за ее поведение, за ее гордыню. Но вместе с тем я понимаю: я люблю ее, очень люблю, но как-то по-особенному. Мне даже трудно, почти невыносимо, признаться себе в этом. Но я всё равно её люблю, несмотря ни на что. И как только эти два противоречивых чувства могут уравновешивать одно другое?

– Все так серьезно? – мой голос звучит ровно, несмотря на бушующие внутри эмоции. Они мечутся, разгоняясь от небольшого ветерка до огромного урагана. Внешний лоск и интеллигентность мамы совсем не вяжутся с тем, что произошло пару минут назад. Но ведь этого никто не видел, кроме меня, поэтому ей глубоко плевать. Но не мне!

Не могу использовать остроу своей речи на матери, которая научила говорить, хотя душа и просит, нет – требует справедливости! Лишь язык крепче за зубами держу... Молчу, потому что между справедливостью и матерью я выбираю маму.

– Лучше скажи, как я выгляжу? – поправив несуществующие складки шелковой ткани на бедрах, мама цепляет на лицо благочестивую улыбку-маску.

– Хорошо, – отмазываюсь дежурной фразой, но по тому, как загораются довольно глаза мамы понимаю, что ей вполне достаточно и этой скупой похвалы.

Хмурю брови, не понимая маминых переживаний по поводу предстоящего вечера. Она еще ни разу так сильно не «загонялась» из-за ужина с Сазоновыми. А, может быть, я чего-то не знаю?

– Тебе папа не сказал? – догадывается мать, наконец-то замечая мое обескураженное выражения лица. Скользит изучающим взглядом по моему белому коктейльному платью. Приоткрывает губы, чтобы дать свою оценку моему наряду, как, охнув, переключается на Дарью, которая раскладывает свежеприготовленных рапанов на зеленые хрустящие листья салата на подносе. Нервно рассматривает изысканные закуски к аперитиву:

– А где греческие маслины?! – голос мамы звучит так, будто ей только что стало известно о конце света. – Почему я все время должна о чем-то напоминать!?

Девушка от неожиданности ударяет с громким звоном щипцами для морепродуктов по фарфоровой тарелке. Ее круглые милые щечки покрывает алый румянец, выдавая внутреннее смятение. словно по щелчку пальцев, карие глаза застилают поволока слез.

– Извините, Светлана Юрьевна, – голос Дарьи дрожит. – Сейчас все исправлю.

словно акула, почуявшая кровь своей жертвы, мама неотступно и цепко следит за брюнеткой, у которой под пристальным взглядом хозяйки дома все буквально валится из рук. Банка с оливками не подается и Дарья, беспомощно подняв глаза, смотрит затравленным зверьком, будто у своего мучителя помощи прося. Сжимаю крепче сумку-клатч в руке – так, что суставы пальцев боль простреливает. Самое лучшее – если я не буду вмешиваться. Иначе скандала не избежать!

Глава 5

Катя

Закатив глаза, мама, не скрывая своего раздражения, обращается к стоящей рядом пожилой женщине:

– Надежда Владимировна, – цедит, четко артикулируя каждой буквой, поджимает губы, в глазах лед. – Замените эту неумеху на кого-нибудь другого! Желательно, поумнее да порасторопнее, – в голосе мамы отчетливо переливается подчеркнутое пренебрежение к персоналу. В этом с отцом они очень похожи – всех меряют по статусу. – Поставьте ее картофель что ли чистить... Надеюсь, справится?

– Светлана Юрьевна... – щеки Надежды Владимировны вспыхивают. На секунду мне кажется, что женщина настроена дать отпор, но нет, ошиблась – отводит бархатные карие глаза, и с трудом произносит: – Как скажете.

Вся трагичность происходящего заключается в том, что Дарья – родная дочь Надежды Владимировны. Мне хочется возмутиться, топнуть ногой! Крикнуть, что это не справедливо, но я молчу. Молчу, потому что знаю, полезь я со своей защитой, будет только хуже. Знаем, проходили... По сути, я такой же невольник в этом доме, как и бедная Дарья. Всем нам отведены свои роли.

От бушующего внутри пламени меня отвлекает ровный голос Надежды Владимировны. Женщина с завидным спокойствием обращается к серой и совершенно невзрачной, как мышка, посудомойщице:

– Настя, замени, пожалуйста. Даша, иди за мной.

Как только обе женщины исчезают в подсобке, уголок рта родительницы слегка приподнимается вверх. Наверняка чувствует себя наподобие «божка». Мне никогда этого не понять. Словно вспомнив о моем существовании, манит указательным пальцем с изумрудным перстнем.

– Иди сюда, дорогая.

И я послушно иду в сторону мамы. Сколько бы зла она не причинила, какой бы жестокой она не была, я знаю: мама меня любит. Никакая другая привязанность не сравнима с этой, потому что все другие – случайны, а эта врожденная.

Ближе нее у меня никого нет. Просто она нервничает, устала – пытаюсь оправдать злые выпады родительницы в сторону персонала. Отмечаю про себя, как она выглядит – на высоте, как и всегда.

Стройная высокая блондинка с красивыми холодными голубыми глазами, ресницы слегка подкрашены тушью. Губы едва тронуты тонким слоем помады благородного цвета марсала. Ее образ завершает черное элегантное платье-футляр ровно до середины колен и дорогушее брильянтовое кольцо на тонкой изящной шее. Длинные волосы серебристого цвета уложены волосок к волоску. Все идеально подходит, подчеркивая необсуждаемый статус жены крупного бизнесмена. Холодная элегантность снежной королевы – вот, что приходит на ум при взгляде на хозяйку особняка.

– Сегодня будет очень важный вечер для нашей семьи, дорогая, – мамины глаза блестят, словно кристаллы, когда она берет меня за ладонь наманикюренной рукой. Заговорщически понизив тон, она с восторгом добавляет. – Кроме Сазоновых, будет еще несколько очень важных людей, не просто гостей, Катя. Акционеры! Очень обеспеченные люди. Дай-ка, полюбуюсь на тебя, милая, – мама отводит уложенную голливудской волной золотистую прядь у моего лица. Пропускает шелковистую длину между пальцев, слегка пугая светлые волоски большим изумрудом. В её голосе сквозит ничем не прикрытый интерес. – А что это за прелестное платье на тебе?

– От Сергеенко, – называю имя любимого маминого дизайнера. – Ты не видела. Это из последней коллекции.

Глаза родительницы одобрительно сверкают. Хотя мама и выглядит заинтригованной, ей импонирует мой выбор на сегодняшний вечер.

– Неожиданно. Прекрасное решение, Катенька, – берёт за локоть. – Повернись!

Конечно, я бы предпочла, чтобы меня хвалили за то, что делаю, а не за то, как выгляжу, но это точно не для моей семьи. Никому не интересно, что там – дальше обертки. Поворачиваюсь медленно вокруг оси. Жаловаться я не привыкла, поэтому даю возможность оценить свой наряд со всех сторон.

Коктейльное платье, правда, – отражение утончённого вкуса, впитанного с молоком матери и капелька моего личного – смелости. Ну, и, конечно же, главное – прекрасный способ продемонстрировать фигуру. Платье айвори с ажурным белым узором, с двойным лифом и корсет сердечком непременно поставят на колени Илью.

Я почти не сомневаюсь, что жених будет умолять о прощении за то, что вёл себя так низко перед отъездом. Да как он только смел поставить свои желания превыше моих?! Всё, что требовалось от жениха – это поговорить с моим отцом, намекнуть на то, как было бы неплохо, если бы я тоже поступила в университет, где уже второй год учится младший Сазонов.

Но, похоже, Илье совсем голову вскружила возможность продемонстрировать свои умения в новом филиале, который открыли совместными усилиями наши отцы. Он всегда мечтал быть одним из ведущих брокеров и, судя по довольному лицу моего отца, который уже с полчаса обсуждает что-то с Сазоновым-старшим, Илья справился на «пять». Только вот я не могу простить ему этого успеха.

Мама заботливо поправляет мои пышные рукава до локтей, выполненные из дорогого атласа, украшенные филигранными аппликациями на плечах, когда за окном слышится звук шин по гравию. Расклешённая фатиновая юбка с дополнительной бежевой вставкой колыхается из стороны в сторону, когда я нетерпеливо подхожу к окну. Через открытые ворота нашего загородного дома въезжает солидное авто, скользит по темно-серому гравию. Я знаю, кому принадлежит «Мерседес Бенц» – Илье Сазонову.

Глава 6

Катя

Отпрянув от окна, с досадой размышляю о том, что весь вечер придётся делать вид, что мы два отчаянно влюблённых голубка. Хватит ли у меня стойкости на протяжении всего ужина беспрекословно выслушивать про то, как мне положено жить и о чём мечтать ни в коем случае нельзя? Я всей душой ненавижу эти званые ужины!

Сидя за столом под прицелом взоров родственников и партнёров по бизнесу отца, я обычно думаю о том, что отдала

бы многое, чтобы оказаться как можно дальше отсюда. Мой отец большой специалист манипулировать человеческими слабостями и блистательный кукловод. Иногда складывается такое впечатление, что я для него подобие акций или капитала, который он выбирает в какой именно финансовый проект выгоднее вложить. Как же меня тошнит от этих двуличных подхалимов, облепивших со всех сторон отца! Все их льстивые вкрадчивые слова, в которых нет и толики правды и капли души, вызывают такой спазм в животе, что, кажется, ещё чуть-чуть и меня вывернет наизнанку прямо одному из гостей на лакированные до блеска туфли. Таковы реалии – быть единственной наследницей Зимина Бориса Сергеевича. Вот что значит жить моей жизнью! Не иметь карт-бланша на своё мнение, дышать тогда, когда велит отец – такое себе удовольствие.

В отличие от Ильи, у которого жизнь складывается приблизительно по тому же сценарию, я не готова смириться с судьбой. И, несмотря на то, что достаточно продолжительное время я искренне верила в свою влюблённость в Сазонова-младшего, месячная командировка Ильи будто всё по местам расставила. Что же это за любовь такая, когда не тоскуешь по своему жениху? Не ждёшь его звонка с замиранием сердца, а иной раз и вовсе раздражаешься, когда понимаешь, что предстоит встреча с Сазоновым. Конечно же, я не отношусь к нему с полным безразличием. Он – как туфли из старой коллекции – уже не получаешь радости, но и выкинуть

отчего-то жалко. Всё, может быть, оттого что мы знаем друг друга с самого детства? Когда-то я была покорена его светло-русыми волосами и небесно-голубыми глазами. Он казался идеалом почти во всём.

Передо мной мысленно появляется совсем иное лицо. Чёрные блестящие волосы и пронзительные глаза. Встревоженно прогоняю прочь возмутительно и бесцеремонно возникший образ мужчины. Да что же это такое, в самом деле?! Уже больше недели прошло после тех роковых событий в клубе, а я до сих пор вспоминаю этого грубияна. Да разве подобное забудешь?!

Его в своей бессмысленной жестокости урок на подкорке головного мозга осел – ничем не вытравить! Только вот я не уверена, что дело не только в этом. Практически каждую ночь в полной темноте спальни, когда закрываю перед сном глаза, наяву чувствую, как его горячие жёсткие губы накрывают мои – мягкие, податливые. Бархатный настойчивый язык касается гладкого нёба... Воспоминания так плотно проникают в каждую клеточку моего тела, что я с позором понимаю, что чувствую... возбуждение. Может быть, со мной что-то не так? Самое страшное, что Илья никогда не мог вызвать во мне такую бурю эмоций, как этот незнакомец. Почему я не могу забыть и жить как раньше?

– Будете целоваться?

Голос матери буквально клещами выдёргивает в настоящее, и я вздрагиваю, задевая локтем кружку на столе, из ко-

торой проливается на пол вода.

– Катя, осторожнее! – удивляется мама моей внезапной неуклюжести.

– Что? Я... – растерянно заглядываю в глаза матери. Она прочитала мои мысли?! Но это же невозможно. Правда?! Мурашки каскадом вдоль позвоночника волной бегут, а все, чего мне хочется – это из кухни исчезнуть.

– Спрашиваю, соскучилась по Илюше? – слегка наклонив голову набок, смотрит так, будто хочет в мысли проникнуть. – Ты же из-за него всю неделю в облаках витаешь?

Что?! В облаках витаю? Что за глупости?! Ничего подобного!

– Мам, не называй Илью так.

– А что такого? – мама приподнимает бровь, показывая всем своим видом, что мои слова звучат не убедительно. – Раньше ты была совсем не против.

Неужели? Морщусь от вот этого «Илюша». Тут же одёргиваю себя. С каких это пор меня нервирует имя жениха? Совсем уже с катушек слетела.

– Кать, будь поговорчивей с Ильёй, – мама, будто почувствовав мое настроение, предостерегает. – Я в своё время была слишком холодна с твоим отцом, это чуть не привело к катастрофе наши отношения. Ну, что тебе стоит быть поласковее с мальчиком? Мне кажется, в последнее время вы как-то друг от друга отделились.

– Тебе не показалось, – фыркаю, не сдержавшись.

– Катя! – хлётко обрывает мать, ставит на место. – Что за тон?!

Прикрываю на секунду глаза. Лишь бы не сорваться!

– Извини, мам, – первое слово с невероятным трудом даётся. – Просто я нервничаю перед ужином.

Чувствуя, как между нами появляется стена холода и отчуждения, иду в сторону выхода.

– Дочка?

Оборачиваюсь, встречаясь глазами с мамой. В её взгляде есть что-то такое, что заставляет меня напрячься, как тетива лука.

– Этот брак очень важен для нашей семьи, – самое грустное – то, каким взглядом мама сопровождает слова. Выглядит, как предупреждение. – Не смей... огорчать отца.

Глава 7

Катя

– Как же я соскучился! Иди ко мне, любимая.

Проворно уворачиваюсь от нетерпеливого поцелуя. Губы Ильи скользят вдоль щеки, так и не достигнув цели. С раздражением, отмечаю, как в глазах Сазонова-младшего зарождается недовольство.

– Почему ты всегда так холодна со мной? – жених в отчаянии запускает пятерню в светло-русые волосы, а затем расстроено проводит по затылку. – Черт, Катя! Я так не могу больше! Ты же видишь, я с ума по тебе схожу!

Пропускаю мимо ушей отчаянье в его голосе. В следу-

ющий раз хорошенько подумает, прежде чем игнорировать мои просьбы.

– Всегда? – моя бровь ползет вверх, когда нетерпеливо вырываю пальцы из его прохладной и утонченной, как у пианиста, руки. – Хочешь сказать, уже забыл наш разговор перед твоим отъездом в Кострому? – с обидой поджимаю губы.

– Я не хотел тебя обижать, – заискивающее вглядываясь в лицо, Илья пытается реабилитироваться в моих глазах. – Ну, любимая, не будь так жестока!

Встречаюсь ироничным взглядом с голубыми глазами жениха. Терпеть не могу людей, которые «не хотели обидеть», но обидели! Более, чем уверена, Илья отдавал себе отчет, когда пошел на этот сознательный шаг. Это так удобно: сказать, что не хотел – и обижай, как хочешь, дальше. Нет уж, Сазонов, со мной такие штучки не прокатят!

Зарывая себя все глубже и глубже, Илья, сам того не осознавая, ступает на скользкую дорожку:

– Мы всего лишь повздорили маленько. Ну, бывает... Что ж теперь? – поправляет неловко тонкий черный галстук, который безупречно подходит к белоснежной сорочке. – К тому же, что я мог поделать? Давно уже прекрасно известно, как твой отец относится к учебе далеко от дома.

Недоверчиво моргаю. Вот свинья! Нет! Осёл.

– Шутишь?! – срывается с губ куда громче, чем я рассчитывала. Прежде чем продолжить, понижаю голос. – Ты даже не пытался, а тебе всего-то надо было поговорить с ним.

– Неужели так сложно делать то, что тебе отец велит? – перебивает Илья. Смотрит на меня так, как будто перед ним капризный избалованный ребенок. И это не может не задеть!

Обида желчью растекается по венам – сметает все на своем пути! Отравляет. Привкус горечи на кончике языка становится почти осязаемым.

– Ты прекрасно знаешь, как я ненавижу бухучет! – цежу гневно, почти выплёвывая с ненавистью слова. В моем голосе ноты отчаяния сплетаются в каком-то безумном коктейле с отвращением. – Я не умею молчать и делать вид, что все хорошо, когда мне это не нравится!

Я прекрасно знаю, что проглоченной обидой можно за просто отравиться! Желания нет. Накушалась! Спасибо.

– Да, знаю, – огорошивает ответом Илья, – но твой отец прав, Катя. Сама подумай, дай тебе волю, ты бросишь все и будешь с утра до вечера с конями своими возиться.

– Ну, знаешь... Пошел ты к черту! – демонстративно отворачиваюсь. – Ты оказался примитивным, как амёба, а с микроорганизмами я не общаюсь!

На секунду мне кажется, что откуда-то со стороны раздастся смешок. Сощутив глаза, оборачиваюсь, но лицо Ильи остается все таким же серьезным. Показалось...

Тяжело вздыхаю. Прекрасно осознаю, что моя враждебность – это всего навсего тыл гордыни, а жестокость – неприглядная изнанка обиды, но ничего не могу с собой поделать.

Делаю шаг в сторону дорожки, вдоль которой стоят стройным рядом ели.

Жених преграждает мне путь. Не дает и с места сдвинуться.

– Кать, ну что за слова? – искренне возмущается Илья. – Ты же леди, в конце концов!

Заключительную фразу Сазонов произносит с подчёркнутым разочарованием.

– Да, леди! – метнув сердитый взгляд-кинжал в жениха, снова отворачиваюсь.

Бесит до дрожи! Похоже, необходимо напомнить Илье, что обиженная леди бывает похуже всякого киллера!

– Зайчонок, прости дурака! – Илья осторожно подкрадывается сзади и с умоляющими нотами в голосе принимает увещевать. – Да, ты права, а я был не прав! И к тому же, нельзя из-за каждой обиды отекаться друг от друга.

Только я иначе считаю. На каждое «нельзя», у меня всегда найдется несколько **МОЖНО!**

Словно почувствовав, что пахнет жареным, Илья разворачивает меня к себе. Ласкает взглядом преданной собаки. На каком-то инстинктивном уровне безошибочно понимаю, что эту битву я уже выиграла. Разве он не видит, что наши ссоры становятся не исключением, а нормой? Внезапно осознаю, что в последнее время ругань – единственный способ получить от жениха желаемое.

Илья отводит мои волосы за спину, склоняется так близ-

ко, что теплое дыхание касается лица.

– Я просто хочу быть рядом с тобой, зайчонок, – уверяет Илья, с нежностью поглаживая кожу моей щеки подушечками пальцев. – Обещаю, сегодня же поговорю с твоим отцом.

Вскидываю глаза, пристально разглядывая классические, почти приближенные к идеалу, черты лица парня. Среднего телосложения и невысокого роста, у Ильи, как и у почти любого славянского типа правильный овал лица, светлый оттенок глаз и волос. Не слишком густые брови и щетина. Все подруги, включая даже Полинку, «тащатся» по моему жениху. Прекрасно понимаю почему. Илья выглядит очень привлекательно и даже мило.

Но неужели мне не послышалось? Поговорит с отцом? Да ладно?!

– Ты не обманываешь? – внутри взметается волна надежды. Уж кого и будет слушать отец, так только Илью. – Думаешь, он позволит мне поступить в твой универ?

– Что-нибудь придумаю...

Полные губы тянутся ко мне. Глаза жениха в предвкушении горят. Но, похоже, поцелую сегодня так и не суждено случиться. Неподаляку от нас раздается треск сухой ветки. Он кажется почти оглушительным в полной тишине вечернего сада. Машинально отскакиваю на приличное расстояние от Ильи. Сердце колотится, как ненормальное. До ужаса странно! Чувствую, должно быть, себя так же, как Мина из романа Брэма Стокера, когда за ней наблюдал граф Дра-

кула из глубины сада. Глупо, конечно, но вдоль позвоночника пробегают мурашки. Чувствую на себе пронзительный взгляд... Он будто калёным железом жжет!

Глава 8

Катя

Прижав руку к груди, опасливо оборачиваюсь, сосредоточенно вглядываясь в непроглядную темноту. Буквально в паре метров от нас среди зеленых хвойных растений, зависнув в воздухе, горит пламенная точка. Крылья носа трепещут, когда безотчетно делаю глубокий вдох. В легкие проникает еле уловимый аромат ванили и никотина. Раскаленная точка еще пару секунд горит, а затем, резко сорвавшись вниз, летит на землю. Должно быть, прямиком к ногам того, кто стал очевидцем нашей безобразной ссоры с Ильей. К моему смущению в глубине сада очень темно, поэтому просто не реально разглядеть, кто именно из гостей стал немым свидетелем этой сцены.

– Кто здесь? – Илья достаточно быстро преодолевает расстояние и, резко схватившись за колючие ветви ели, разводит их в разные стороны.

Только вот кто бы там ни был – он уже ушел. Будто растворился! Можно было бы, конечно, предположить, что никого и не было, но аромат крепкого табака до сих пор щекощет слизистую носа, от чего я непроизвольно чихаю.

– Будь здорова, любимая, – Илья тянется к карману, должно быть, за платком, но я жестом останавливаю жениха.

– Думаю, нам лучше вернуться в дом.

Илья прочищает горло и к моему нескрываемому облегчению соглашается:

– Да, так будет лучше, – поправляет ворот, а затем лацканы черного классического пиджака. – К тому же, думаю, что твоему отцу понадобится моя помощь.

Страх отступает. Сама того не замечая, уже морщусь скептически. Ведь пиджак Ильи такой же скучной расцветки, как и все в моей жизни. Если только помочь сделать конец этого дня еще более унылым.

– Я когда в сад выходил, – делится своими наблюдениями жених, – видел, как по парадной лестнице Дицони поднимался. Твой отец, наверняка, будет в ярости!

А вот это уже интересно. Задумчиво покусываю нижнюю губу. Что за странная фамилия? Хотя ничего удивительного! Отец любит «якшаться» с иностранными инвесторами. В этом он видит какой-то определённый «шик». Чем же ЭТОТ интересно ему не угодил?

«Дицони...» – задумчиво повторяю про себя. Вот уж не знаю, кто это, да и особо знать не хочу! Но слова жениха всё-таки зароняют отравленное семя любопытства. Заставляют брошенную женихом фразу в голове крутить: «Твой отец, наверняка, будет в ярости». А вдруг вечер обещает быть не таким уж и пресным?

Я еще ни разу не видела, чтобы отец не мог справиться с эмоциями при виде какой-либо личности. Обычно это пре-

имущество принадлежало исключительно мне. Прикасаюсь губами в легком, словно дымка, поцелуе к гладко выбритой острой скуле Ильи.

– Иди первый, а я пока заскочу в дамскую комнату припудрить носик, – мило улыбаюсь, чем буквально заставляю встрепенуться Илью от радости. – Позже встретимся.

Вернувшись в дом, проскальзываю к лестнице, чтобы подняться к себе. Хочется хоть немного передохнуть от всего фарса, что происходит в гостиной. Останавливаюсь, будто вкопанная, так и не дойдя до своей комнаты.

– Вышвырни его вон! Немедленно!

Невольно прислушиваюсь к враждебному тону матери. Никогда не слышала, чтобы она так разговаривала с отцом! В его присутствии она всегда неизменно сдержанная. Сейчас же кажется, что она вот-вот впадёт в самую что ни есть ярость, совсем несвойственную леди. Хоть я и не вижу родителей, буквально ощущаю витающее между ними напряжение в воздухе.

– Света, он уже здесь, – в голосе отца звучат странные ноты.

Никак не могу идентифицировать его тон. Досада? Хотя последнее и вовсе кажется чем-то из области фантастики.

– Поверь, дорогая, если бы только это было в моих силах, ноги бы его не было в нашем доме.

– Ты мне клялся, Борис! – в голосе матери звучат истеричные ноты. – Как он посмел переступить порог нашего дома?!

Этот дикарь! КАК!?! Из какой помойки он выбрался? – голос мамы звенит от гнева. Она с шумом надсадно втягивает воздух, чтобы перевести дыхание. – Его здесь не будет! – голос звучит тверже, будто она уже приняла решение, за которым следует ультиматум. – Это моё последнее слово или я...

– Мы не можем устроить скандал. Просто права не имеем, – старается донести отец свою позицию, – но поверь, дорогая, я сделаю все, что возможно, чтобы Дицони, несмотря на свой пакет акций «Hotel winter», почувствовал себя здесь лишним.

– Здесь, среди благопристойных людей, – будто не слыша отца, продолжает негодовать оскорблённая до глубины души мама, – этого дикаря не будет!

Не желая быть застуканной с личным, опрометью скрываюсь за дверь своей комнаты. Прислоняюсь спиной к гладкой прохладной поверхности. Моя спальня – одно из самых уютных и укромных мест в доме. Для меня она настоящий оазис комфорта и спокойствия. Дизайн спальни – минимализм – идеальный выбор, потому что мягкие очертания, теплые тона и приглушенный свет с легкостью могут создать такую нужную атмосферу умиротворения. Большие окна, светлая цветовая гамма, природные материалы и белоснежные блики помогают сделать максимальный, а возможно и основной акцент, на обилии света, воздуха и пространства.

Оттолкнувшись от двери, подхожу к большому, в мой пол-

ный рост, зеркалу в серебристой раме. В ушах до сих пор звенит запальчивое мамино: здесь, среди приличных людей, этого дикаря не будет! В этом вся моя мать! Буквально разделяет людей на касты. Не терпит никого, кто, по ее мнению, не принадлежит к сливкам высшего общества. И даже большие деньги не помогут закрыть глаза на низкое происхождение. На такого человека она без шанса вешает ярлык «Недостойный». Эти варварские законы под высоконравственной личиной... Как же тошнит от этого!

Непроизвольно проникаюсь симпатией к этому Дицони. Какая, собственно, разница, как человек «поднялся»? Разве не значимее то, что он достиг всего своим трудом, а не как младший Сазонов, сорвал куш при рождении?

Дицони все недолюбливают, а значит, мне он уже нравится! Следовательно, есть в нем что-то такое. Какой же выдержкой необходимо обладать, чтобы прийти в дом, куда его не приглашали, а присутствующие не скрывают своей ненависти? Каковы же границы его власти? Мне остается только догадываться, каково это – пойти против целой системы? Мне никогда этого не узнать, как бы безумно не хотелось. Должно быть, его влияние очень высоко, если даже мои родители не в силах изменить ситуацию в свою сторону. При чем, в которой, казалось бы, они должны быть полноправными хозяевами.

Несомненно, этот человек знает, насколько высока его значимость, а вот я далека от всего этого. Не люблю игры

влияний по типу у кого кровь голубее и карман толще. Сегодня обязательно понаблюдаю за этим представлением.

Глава 9

Катя

Меняю туфли со средней высоты каблука на почти аналогичные, только «шпилька» у них не менее десяти сантиметров. Илья будет просто в ярости! Как же он не любит, когда я почти одного с ним роста. Его проблемы! Нравиться и угождать – это так скучно. Совершенно нет желания потакать Сазонову-младшему. Он должен четко понимать, что слова – словами, а я жду действий. Пока я вижу только, что он готов брать, а вот давать взамен не готов.

Высокие каблуки – это большее, что я могу сделать в данной ситуации – показать свое «фи» на его желания. Я слишком своенравная, чтобы быть чьей-то тенью и... женой. Но пока никому не обязательно знать о моих планах. Хмыкнув, поправляю золотистые локоны, струящиеся упругими волнами по открытым плечам. Несмотря на то, что мое лицо бледное от природы, сегодня кожу щек покрывает нежный персиковый румянец от какого-то необъяснимого волнения.

Почти невесомый стук в дверь отвлекает от мыслей. Бросив последний придирчивый взгляд на отражение, громко приглашаю:

– Входи, Дарья, – безошибочно отгадываю по звуку, что это именно она. Неуверенный, едва слышный...

Переступив порог, девушка неловко мнетя на месте,

прежде чем произнести:

– Екатерина Борисовна, – робко поднимает глаза шоколадного цвета, – Светлана Юрьевна попросила меня вас найти. Гости прибыли, – отводит глаза. Должно быть, чувствует себя неловко после тех грубых высказываний моей матери.

Ощущаю моментальный укол вины. Погруженная в свои тревоги, я была почти совсем глуха к чужим бедам и переживаниям. Разве это простительно по отношению к человеку, который несколько лет живет в одном со мной доме? Нет!

– Даша?

Девушка смотрит на меня открытым взглядом печальных карих глаз, и я выпаливаю на одном дыхании:

– Извини за сегодняшнее, – слова даются с трудом, но в глубине души я понимаю, что поступаю правильно. – Мама была не права.

Успеваю перехватить ошеломлённый взгляд Дарьи, прежде чем выйти из комнаты. Спускаясь по витиеватой лестнице, скольжу ладонью по гладким начищенным до блеска полированным перилам. Подбородок неуклонно все выше приподнимается, чем больше сокращается расстояние до гостиной. В отличие от других жителей этого дома, моя совесть еще жива. Она куда громче, чем укоризненные вопли родителей, нацеленные на тех, то в силу обстоятельств не может дать им отпор.

Делаю глубокий вдох, как человек, которому предстоит опасное и глубокое погружение. Толкаю двустворчатую

дверь, не забыв перед этим надеть на лицо очередную маску под названием "все в порядке". Иногда мне так дико хочется сорвать ее, но я понимаю, что не смогу этого сделать, не затронув собственной кожи. Да и стоит ли показывать неприглядную правду? Ведь то, что скрывается от чужих глаз, далеко не так привлекательно, как кажется: сломанная напрочь постоянными запретами психика и разбитая вдребезги постоянными придирками душа. Затягиваю мысленно сильнее ленты по краям маски. Они будто невидимыми шипами впиваются в нежную кожу. Ранят до крови. Переступая невысокий порог торжественной залы, повторяю, как мантру: я, Екатерина Зимина, просто не имею права на слабости.

Проклятье! Такое ощущение, что я в ад попала! Еще эта духота... Тут же себя успокаиваю – это еще не ад. Если бы это был он, то здесь непременно была бы моя мать.

– Катя, – заметно вздрагиваю, оборачиваясь, – наконец-то ты спустилась! – раздается слева от меня энергичный полный укора голос мамы. – Я уже начала нервничать. Почему так долго, дорогая?

Бегло осмотрев меня с ног до головы критичным взглядом, мама, расслабившись, посылает мне довольную улыбку.

Я знаю, что хорошо выгляжу. Самолюбие и здравый смысл заставили меня сделать все для того, чтобы сегодня выглядеть как можно лучше. Удивительно, но если бы я не подслушала совсем недавний разговор между родителями, никогда бы не догадалась о том, что моя родительница была почти на

границы нервного срыва.

– Я только переобулась, – мой голос звучит подчеркнуто сухо.

Элементарная констатация факта, не более. С ходу даю понять, что совершенно не хочу развивать эту тему. Ещё не хватало, чтобы меня в непунктуальности обвинили!

– Тебя Илья ждет, дорогая, – совершенно не обращая внимания на мой тон, добавляет мама, указывая почти незаметно наполовину наполненным бокалом в сторону Сазонова-младшего.

Илья, не замечая никого вокруг, увлеченно любезничает с каким-то мужчиной с полностью седыми бакенбардами. Моя бровь ползет вверх. Разве в наше время их еще кто-то носит? Я думала, что такие прически давно канули в Лету.

Не могу не отметить, что мама на славу постаралась. Гостиная буквально сияет. Интерьер помещения традиционно декорирован немалым количеством живых цветов в больших напольных вазах. По просьбе матери дизайнер использовал только натуральные ткани: бархат, лен, шелк и гобеленовые материалы. Теплые оттенки бордового – обои и бархатные портьеры придают помещению еще больше шика. Главным предметом мебели в гостиной по праву является диван. Он солидный и тяжелый, выполнен в барочном стиле. Прохожу мимо дивана, который занят двумя женщинами с притеозными прическами и бокалами шампанского в руках.

Что-что, а этот напиток совершенно не понимаю. Гадость

редкостная! Миную софу, за которой стоит пара кресел, а затем массивный обеденный стол и стулья «честерфилд», пока не останавливаюсь напротив деревянного журнального столика. В отражении зеркал можно разглядеть потолки, оформленные декоративной лепниной. Самое большое внимание гостей несомненно привлекает шикарная хрустальная люстра – она в интерьере ключевой акцент.

Ну, и, конечно же, куда без камина? У которого, между прочим, не протолкнуться. Можно подумать, это самое козырное место в доме. Народа в гостиной предостаточно. Такое ощущение, что я попала на центральный городской рынок. Гул голосов, которые звучат в унисон классической музыке, только раздражения добавляет. Все сливается, образуя сплошную какофонию.

Глава 10

Катя

Трое представительных мужчин высокомерного вида, совершенно не стесняясь, громко обсуждают дела.

Спешу подальше от инвесторов. Даже прислушиваться не надо, чтобы понять, о чем идет речь. Кто и что за сколько купил, кто и за сколько продает. Это как раз те люди, которые смотрят на тебя, как на породистую кобылицу, за которую могут предложить плату в качестве денег и брака. Совершенно бездарно делают вид, что им интересна дочь владельца дома. Ее жизнь, ее знания, мечты и стремления... Мне кажется или это в самом деле такая плата за вход? Все это необхо-

димом, чтобы попасть в дом Бориса Зимина. И вот – собравшиеся обсуждают проблемы. Обсуждают жестко, несколько не таясь. Я даже приблизительно не могу представить себе, насколько они близки к истине. Их пухлые пальцы обвивают фужеры на тонкой ножке. Даже навскидку понятно, что никто из них сам лично и дня не трудился.

Как же тошно от этого лицемерного бала тщеславия! Меня буквально коробит от того, что приходит в гостиной. Внутри просто безумное напряжение нарастает. Это сравнимо с металлической пружиной. Можно сжать ее пальцем до отказа, но когда отпустишь, то она выстрелит аж до потолка. Чем крепче ты ее сожмешь, тем сильнее она ударит в ответ.

– Стэфан Дицони и правда, оказывается, огромный, как шкаф, – неприятно хихикает дама средних лет. Облизнув узким языком подкрашенные красной помадой губы, поправляет длинными узловатыми пальцами уложенные волосок к волоску гладко прилизанные темные волосы. В холодных серых глазах светится ничем не прикрытая похоть. – А вот ключик, интересно, соответствует?

Едва не споткнувшись о ковер, кошусь неодобрительно на женщину, чьи пальцы буквально унижены «от» и «до» кольцами с драгоценными камнями. Ее собеседница ничем не лучше – такая же цаца. Вот тебе и дамы высшего света! Как только язык повернулся?! Взгляд невольно падает на объект пристального внимания женщин. А там и правда есть на что посмотреть!

Спустя минуту с трудом отрываю взгляд от великолепно-го зрелища широкой спины и бугрившихся мышц, которые четко проступают через ткань белой рубашки лишь для того, чтобы скользнуть взглядом ниже – по поджарым ногам и ягодицам, обтянутым плотной тканью брюк. Так вот, значит, какой этот Дицони!

Но стоит мужчине повернуться в профиль, как из моей головы почти все мысли вылетают. Это ОН! Мой незнакомец! Скульптурно очерченные губы все так же излучают неприкрытую чувственность. Надменный мужественный подбородок с небольшой ямочкой. Загорелый, атлетически сложенный – он и правда производит впечатление человека, который совершенно не нуждается в одобрении других. Не больше, чем царственный лев нуждается в одобрении тупоголовых трусливых овец. Скромный полосатый галстук идеально подходит к темно-синему в белую полоску пиджаку, который покоится на сгибе его локтя. Видимо, не только мне одной здесь жарко.

Когда наши взгляды встречаются, меня будто током бьет! Двести двадцать – не меньше! В его глазах я отчетливо вижу ироничную улыбку, предназначенную исключительно мне, и, кажется, понимаю, о чем думает Стэфан, когда уголок чувственного рта едва заметно приподнимается. Сложно сохранять вид неприступной снежной королевы, когда такой мужчина прилюдно порочным взглядом ласкает. Должно быть, ему и правда плевать, что думают все эти раздутые пентюхи.

От его взгляда сердце заходится. Знакомая дрожь волной по телу проходит. И это вовсе не страх... Про таких, как Дицони, говорят «обладает животным магнетизмом». Все в нем буквально кричит о силе, несгибаемом характере и сексуальности.

Непроизвольно вспоминаю нашу первую встречу и то, что я вытворяла рядом с ним. Щеки моментально лихорадочным румянцем покрываются. Тушуюсь, когда понимаю, что непозволительно долго на него пялюсь. Только мой взгляд, направленный на Дицони, не одинок. Они ВСЕ с голодной жадностью смотрят ему в спину. Алчущие сплетен, жадные до чужих чувств... Парадокс, но чем больше собравшиеся вокруг недовольно ворчат, тем снисходительнее взгляд Стэфана. Тем больше, кажется, Дицони наслаждается их неодобрением. Коллеги отца демонстративно делают вид, что не замечают его – это наводит на мысли, что они всерьёз интересуются его личностью. Их осторожные взгляды, и даже заметная дрожь в руках...

Кажется, теперь я знаю, почему о нем так плохо отзываются! Они испытывают к Дицони интерес. Но, в то же время, слишком напуганы, чтобы подойти ближе, чем на метр. Хотят показать, что ему здесь не место... Только вот, если таким образом присутствующие хотят выразить общественное порицание или одобрение моего отца, то они очень здорово просчитались. За их поведением скрывается страх и даже какой-то суеверный ужас – это и дураку понятно! Об такого,

как Дицони, запросто можно зубы сломать. Стэфан Дицони, словно самодостаточная единица, выгодно выделяется среди всей этой непримечательной серой массы.

– Екатерина Борисовна, – приветствует официально подчеркнутым тоном, но уже через секунду интимно понижает голос так, что мурашки вдоль чувствительной кожи рук и груди пробегают. – Выглядишь потрясающе.

Сердце от комплимента Стэфана колотится гулко и неровно.

– Не думала, что ты меня заметишь, – одариваю слегка нервной улыбкой, когда среди толпы мелькает знакомое очертание фигуры отца.

– Не думал, что ты хочешь, чтобы я смотрел на тебя, – словно мячик от пинг-понга отбивает с легкостью мои слова Стэфан.

Его взгляд неторопливо скользит по моим красиво уложенным светлым волосам с золотистым отливом, что волной ниспадают на плечи. Изучает глаза, оттененные темными для столь светлых локонов загнутыми ресницами. Обводит восхищенным взглядом сочную полноту губ. На секунду задерживается на неглубоком вырезе платья, жарко лаская, проходит глазами по белоснежным полушариям, что виднеются над кромкой шелка.

Пока он продолжает меня изучать, я чувствую, как на лице проступает легкий персиковый румянец смущения. Безошибочно улавливаю его интерес, понимаю, что стоящему

рядом со мной мужчине нравится тот вид, что открыт перед ним.

Глава 11

Катя

Пользуясь моментом, не остаюсь в долгу. Прохожусь по нему ответным взглядом. Пусть и не таким очевидным и открытым до неприличия, как у Стэфана, но все же. Спортивная фигура Дицони, облаченная в темно-синий костюм, возвышается, как гора. Бросает на меня тень, как в прямом, так и в переносном смысле. Затылком ощущаю десятки любопытных взоров, направленных на нас. Негромкий, но напряженный рокот гостей слышен со всех сторон, от чего кажется, будто я какая-то преступница, намеренно пересёкшая красную черту. Что-то внутри предостерегающе шелкает, но я игнорирую эти сигналы.

Стараюсь под маской скуки спрятать отвращение ко всей этой шумной толпе и в особенности к себе – за то, что сама, не имея права выбора, нахожусь здесь, полностью зависимая от воли отца.

Дицони перемещается так, чтобы заслонить меня своей внушительно фигурой от любопытных глаз, и на секунду я испытываю к нему настоящую благодарность. Неужели он как-то понял, что чувствую на самом деле? Горько усмехаюсь. Вряд ли, ведь я почти ас по части скрывать эмоции. Натякаюсь взглядом на широкую грудь незваного гостя, чувствуя себя так, как будто меня спрятали за невидимой про-

стому глазу стеной, укрыли от болезненного любопытства присутствующих. Дицони совершенно самоотверженно берет на себя взгляды-удары, хлесткие, как сырая кожаная плеть, и даже не морщится. Мощная аура Стэфана заставляет чувствовать себя по-особому хрупкой и женственной.

Он выглядит совершенно не так, как большинство гостей, которые выбирают классику. У него совсем другой стиль – кежуал. Весь образ Дицони излучает силу, спокойствие и уверенность.

– Где твой бокал? – интересуется Стэфан, лениво рассматривая мое заалевшее от пристального, такого по-мужски оценивающего взгляда, лицо.

– У меня его нет, – отвечаю, подчеркивая очевидный факт.

– Почему?

Мимо нас проходит официант и Стэфан, сделав знак, ловким почти незаметным движением забирает с подноса один из фужеров на длинной ножке, но лишь для того, чтобы галантно предложить его мне.

С благодарностью принимаю его и делаю небольшой – как должно леди, глоток. Не собираюсь отвечать на вопрос. Не признаваться же, что папа не велит!

– Тебя здесь все ненавидят, – мило улыбнувшись, аккуратно берусь за шпажку в фужере и отправляю зеленую оливку в рот. Не забываю проследить за тем, чтобы ягода не задела

губную помаду.

– Плевать, – кидает совершенно безразлично жгучий брюнет, чем вызывает у меня волну восторга. – Мое состояние больше, чем у всех присутствующих вместе взятых, – делает приличный глоток, пристально глядя поверх бокала с темно-янтарным напитком. – Уже завтра они будут обивать пороги для того, чтобы инвестировать в мои проекты.

Звучит более, чем дерзко! Но, когда встречаюсь взглядом с мужчиной, понимаю: нет, он не кичится, в отличие от всех собравшихся. Стэфан просто обозначает факт – не более. Теперь я точно не отойду от него – это дело принципа! Когда меня куда-нибудь не пускают или ставят запреты, мне ещё интересней становится.

– Ты так богат? – спрашиваю совершенно бесхитростно, встречаясь взглядом с необычными глазами. – Говорят, ты «поглощаешь» компании?

Притронувшись к талии, Дицони отодвигает меня чуть в сторону, чтобы краснолицый одутловатый мужчина ненароком не задел локтем. Там, где Стэфан прикоснулся ладонью, будто клеймом раскалённым жжет прямо через ткань платья. Пожимает плечами, тем самым подтверждая мои предположения. Галлу* в его глазах намекают: мужчина богат, как сам крез и все, что о нем говорят, – истинная правда.

Так, значит, он покупает компании на грани банкротства, а затем делает из них мощные предприятия. Не очень разбираюсь в таких делах, но понимаю, что такой род деятельно-

сти требует от человека недюжинной выдержки. Представляю, каких это может стоить огромных финансовых рисков, предотвращение которых требует большого опыта и смекалки.

– Можно и так сказать, – приподнимает черную, как смоль, бровь, а в голосе очевидная ирония звучит. – Тебя это смущает?

Несмотря на насмешку в его тоне, отвечаю более, чем серьезно:

– А разве деньги могут смущать? – спрашиваю, совершенно искренне подкрепляя свой ответ лукавым взглядом. Сквозь толщу скромности прорывается темперамент, демонстрируя Дицони, кто перед ним – бунтарка, как и он.

Внезапно для себя с удивлением осознаю, что бессовестным образом флиртую с самым, без ложного преувеличения, опасным и противоречивым гостем на мероприятии. Кожа на лице в ту же минуту начинает пылать от чьего-то пристального взгляда. Слегка обернувшись, буквально натыкаюсь на возмущенный наполненный вопросами взгляд Ильи. Всем своим видом Сазонов-младший обещает мне в ближайшем будущем более, чем серьезный разговор.

Приподнимаю подбородок, показывая тем самым, что мне нет никакого дела до его обид. Полностью переключая внимание на Стэфана. В чертах его лица, в твердой линии подбородка и носа будто запечатлелась сталь. А вот черные непозволительно длинные ресницы – единственное, что

смягчает мужественный образ. Широкие плечи и могучая грудь прямо-таки натягивают белую трикотажную рубашку. Отвожу неловко взгляд от узких бедер и плоского живота. Делаю нервно глоток прохладного напитка, чтобы хоть как-то унять распутившийся, как розы, жар на щеках, когда он неожиданно для меня перехватывает мой взгляд.

– Судя по тому, что мой отец раньше никогда не упоминал фамилию Дицони, можно сделать вывод, – изящно поднимая бровь, – что ты и есть те самые «новые деньги», из-за которых весь этот сыр-бор?

Стэфан усмехается, но признает правду:

– Про таких, как я, говорят из «грязи – в князи».

Опускаю ресницы, прикрывая глаза, в которых, словно в зеркале, отражаются мысли. Прямой до безобразия! Мне это импонирует. Стоит поднять взгляд, как я буквально тону в градиенте оттенков его глаз. Цвет глаз Стэфана похож на море во время шторма, когда помимо синих глубоких оттенков морской воды откуда-то с самого дна зрачка взмываются изумрудные волны. Как же мне нравятся штормовые воды! Они намного сложнее, чем полный штиль. Если бы они были людьми, именно с ними я постаралась бы познакомиться поближе. Намного увлекательнее гадать, что скрывается за слоями волнующейся толщи воды, чем то, что находится на самой поверхности.

**Галлу (по-аккадски) – в шумеро-аккадской мифоло-*

гни злые демоны подземного мира, мира умерших.

Глава 12

Катя

Меня всегда очаровывали злодеи. Острые на язык сукины дети! Я не люблю гладко выбритых мальчиков с классическими бабочками вместо галстука и обыденной скучной работой. Морщусь, понимая, что только что мысленно описала Сазонова-младшего. Ну и пусть! Мне нравятся темные лошадки, опасные личности. Они мне интересны! Они всегда готовы на спонтанные поступки, а самое главное – только они способны на по-настоящему сильные чувства.

Музыка звучит громче, перекрывая высокие голоса и неестественный смех толпы.

Безуспешно борюсь с почти невыносимым желанием зажать ладонями уши.

– Катя, – щурит свои необычные глаза Стэфан, говорит задумчиво, как будто ему в голову пришла абсолютно неординарная идея. – Почему бы нам не удрать отсюда и не найти место, где немного поспокойнее? Или ты меня боишься?

Несмотря на мягкий тон, слова звучат, как вызов.

– Нет, – лгу.

Стэфан удовлетворенно кивает, принимая ответ. Только, судя по глазам, ни на секунду не верит.

У меня и правда нет ни малейшего желания куда-либо идти с ним. Но, сейчас я готова согласиться на что угодно, лишь

бы обратиться отсюда. На самом деле, я и правда боюсь Стэфана Дицони. Когда он говорит со мной глубоким бархатным голосом и смотрит пронзительным взглядом, я будто ощущаю, как Стэфан дотрагивается до меня и неумолимо притягивает все ближе и ближе к себе. Но больше всего, что я не могу понять – это странное сильнейшее притяжение, наподобие магнита, которое возникло между нами так быстро и резко. Внутренний голос кричит об опасности, ведь любые взаимоотношения между ними обязательно закончатся крахом.

Мы слишком разные – несмотря на то, что так похожи. Мы как будто из разных миров. Но вместо того, чтобы вырвать пальцы из крепкой горячей ладони, я уже кротко слеую за ним в сторону балконных дверей.

– Могу поспорить, сейчас все обсуждают нас, – Стэфан прячет правую руку в карман брюк и одаривает своей фирменной кривой ухмылочкой. – Не боишься, что из-за меня на твоей идеальной репутации появится пятно, а, принцесса?

– Я уже поняла, что хорошая репутация и общение со Стэфаном Дицони – два абсолютно несовместимых понятия.

Неторопливая усмешка трогает губы мужчины. Уголки упрямого чувственного рта приподнимаются так, что это придает ему возмутительно самодовольный вид.

Кокетливо прикрываю глаза, наблюдая за мужчиной из-под ресниц, а затем использую горячо любимый прием своего родителя – просто отвечаю вопросом на вопрос:

– Что у тебя произошло с моим отцом, Стэфан?

Дицони усмехается, на раз раскусив мои женские уловки, но, все же, я вижу, что мои старания приносят свои плоды. Зрачки мужчины предательски расширяются. Так обычно бывает, когда человек смотрит на что-то приятное или волнующее. На жилистой шее крупная синяя вена заметно бешеным пульсом бьется. Мне безумно льстит одна лишь мысль, что ВСЁ это из-за меня.

– Поверь, это не для твоих нежных ушек, малышка, – обескураживает ответом Стэфан.

То, как он лениво тянет слова, звучит оскорбительно и слегка насмешливо. Да, с ним не так просто, как с Ильей. Обычная тактика почти не работает... Дицони ясно дает понять, что никаких подробностей не будет. Можно даже не надеяться. Растерянно провожу ладонью по мраморным фигурным балясинам*.

Гладкая поверхность приятно холодит чувствительную кожу ладоней. Несмотря на огромные размеры балкона-террасы, обстановка создает определенную ауру уюта. По бокам стен расставлены мягкие низкие французские диванчики, на покрашенных в благородный терракотовый цвет стенах святыт приглушенно небольшие фонари. Они бросают красивые затейливые блики на Дицони. Подсвечивают на бронзовом от природы лице упрямые суровые черты. Благодаря освещению светлые глаза Стефана резким контрастом выделяются на мужественном лице.

Прикусив губу, внезапно осознаю, что в Стэфане все то, что мне так не нравится в мужчинах. Он из тех, кто стремится навязать всем и каждому свою волю. Перевожу взгляд на придомовую территорию. На улице уже давно зажгли фонари, которые освещают привлекательные фигурные посадки и ровный почти идеальный газон.

Громкий смех заставляет обернуться в сторону массивных деревянных дверей в глубине балкона. Несмотря на то, что створки плотно закрыты, из гостиной доносятся голоса, что становятся все громче и громче – ровно в прямой пропорции с количеством поглощаемых гостями горячительных напитков.

– Относительно твоего вопроса, – решительно встречаю пытливый взгляд светлых глаз под густыми темными ресницами. – Нет, не боюсь. К тому же, я уверена, они держатся в стороне вовсе не из-за того, что ты, по их мнению, не достоин здесь находиться.

Пожав плечами, Стэфан непринужденно интересуется:

– И почему же, по-твоему, они делают это?

Тяжело вздохнув, поднимаю глаза к звездному небу. Как часто я сама себе задавала этот вопрос. Почему люди поступают нечестно, несправедливо... И только повзрослев я поняла, что за всеми этими подлыми поступками кроются зависть, чванство, болезненное самолюбие.

– Они желают быть таким, как ты, но боятся, – отвожу глаза, – опасаются твоей силы.

– А ты? – отталкивается от перил и идет в мою сторону. –

Боишься меня, малышка?

– Нет, – отвечаю честно, открыто встречая взгляд глаз с гетерохромией. – Я боюсь только одного...

– И чего же?

– Потерять себя...

Да, этот страх меня давно преследует. Впечатление такое, что я проживаю жизнь по заранее придуманному и одобренному плану. Шаг влево или вправо приравнивается к тяжкому нарушению закона, за которым последует немедленное наказание.

Так, где же мои мечты, желания?! Они никому не интересны. Иногда мне становится так страшно, будто я сама не знаю себя настоящую. С детства мне вдалбливали, что хорошо, а что плохо. Как мне следует говорить, смотреть и даже смеяться. У меня нет опыта ошибок. Я будто мисс Совершенство без права на ошибку. И тот день, когда я попала в клуб, был моим бунтом. Бунтом всему миру! Отцу, матери... Вызов себе!

Глава 13

Катя

Будто прочитав мои мысли, Стэфан задумчиво щурится и, внезапно протянув руку, прикасается к длинной пряди волос на моем плече. Пропускает золотистый локон меж пальцев, будто упиваясь его длиной и мягкостью

– Никогда не видел такого оттенка волос, – голос мужчины

хриплый и глубокий, в нем отчетливо слышатся ноты восхищения. – Будто живое золото струится.

Его прикосновения настолько будоражат мое сознание, что я внезапно пугаюсь этой достаточно невинной в своем проявлении ласки.

– Не надо...

Чувственная улыбка на губах Стэфана меркнет. Я буквально вижу, как мужественный подбородок каменеет. Убирает руку.

– Ты не хочешь, чтобы я прикасался к тебе? – приподнимает вопросительно бровь. – Почему? Потому что в моих жилах недостаточно благородная кровь течет?

Или эти руки недостаточно чистые для Екатерины Зиминной?

Алею под его испытывающим взглядом. Бессознательно бросаю взгляд на мощные бронзовые руки, увитые крупными венами. Руки настоящего трудяги...

– Не в этом дело... У меня есть жених, – даже умудряюсь извиняющуюся улыбку изобразить.

Только вот, похоже, это еще больше Дицони злит.

– Это тот слюнтяй, что с видом дворовой побитой шавки смотрел нам вслед? – брезгливо кривит уголок откровенного чувственного рта, описывая Сазонова-младшего.

Прежде чем успеваю возмутиться такой характеристике Ильи, Дицони продолжает:

– Этот твой жених? – небрежно спрашивает Стэфан. – Вы давно вместе?

Недовольно свожу брови на переносице. Да что он из себя возомнил?! Только я могу оскорблять Илью, как вздумается! Мне можно! Но вместо взрыва эмоций достаточно сдержанно отвечаю:

– Да, сколько себя помню.

– Хм-м...

По его односложной реакции понимаю, что Стэфан сделал определенные выводы и это ужасно действует на нервы!

– Ты ничего не знаешь обо мне! – резко отталкиваю мужскую ладонь у своей шеи.

– Ты ошибаешься, – вкрадчиво говорит Дицони, игнорируя мой жест. – Я знаю о тебе все – самая богатая красивая девочка города.

– Откуда? – вопрос выходит колко с вызовом и долей претензии.

– Ты спрашиваешь «откуда»? – лениво тянет Стэфан. – Ответ прост: потому что я старше и умнее. Это не бахвальство, – Дицони щурит глаза, а у меня ощущение, что меня рентгеном насквозь просвечивают. – Мужчины и женщины по-разному смотрят на жизнь и на отношения. Благодаря опыту я знаю многое, а ты нет. Более, чем уверен, твой отец и отец этого слюнтя решили скрепить дружеский союз не только пакетом акций, но и браком между детьми.

От этой унижительной правды становится так больно, что

резко вспыхиваю, словно зажжённая спичка.

– Послушай, ты! – меня буквально потряхивает от желания содрать ногтями самодовольную ухмылку с грубовато красивого лица. – Я...

– Не смей разговаривать со мной таким тоном и не ругайся, – достаточно сурово одергивает Стэфан. – Тебе это не идет, принцесса. Я прошел непростую школу жизни и, можно сказать, получил красный диплом, – крепкая мужская рука оказывается на моей талии, лаская кожу прямо через тонкую ткань платья. – И такие маленькие девочки, как ты, живущие в розовом замке, понятия не имеют, чего стоит эта жизнь.

Несмотря на то каким тоном сказаны слова, я скорее чувствую смятение, нежели страх. Он находится так близко ко мне, что я без труда ощущаю жар мускулистого тела и древесный запах одеколона.

– Я буду говорить так, как мне нравится! – огрызаюсь, впиваясь рукой с заостренным маникюром в кисть Стэфана. – И если некоторые женщины находят тебя чертовски привлекательным, то отправляйся к ним, – буквально натягиваю на себя образ дерзкой стервы. – На меня эта ерунда не действует!

Стэфан вглядывается в мои мечущие молнии глаза, и искренняя улыбка восхищения озаряет его грубоватое лицо.

– Маленькая злючка! – беспардонно, словно играючи, тянет прядь моих светло-золотистых волос, а затем пропускает

их шелковистую гладкость меж двумя пальцами. – Ты словно «Порше» без тормозов.

Проходится костяшками пальцев по коже щеки. Странно, но кажется, я ощущаю, как сильные пальцы Дицони подрагивают.

– Никакая не маленькая! – запальчиво перебиваю. Сделав шаг назад, с вызовом приподнимаю подбородок. – Я метр сто шестьдесят пять.

По снисходительной, но доброй улыбке понимаю, что мои слова лишь только забавляют мужчину. Ну, смейся-смейся, башня двухметровая!

– Теперь я знаю, детка, почему ты такая злая.

Мне абсолютно не нравится то, с какой уверенностью он произносит эту фразу.

– И почему же, Стэфан? – скрещиваемся взглядами, будто фехтовальщики шпагами.

– Очевидно же, – ехидно приподнимает бровь, и каждая мышца в моем теле напрягается, когда я предчувствую, что сейчас услышу какую-то невообразимую гадость, – Этот мальчишка, – говорит так, будто пыль под ногами упоминает, – которого ты называешь женихом, тебя в постели не удовлетворяет.

На секунду теряюсь под его циничным взглядом, в котором Дицони даже не считает нужным скрывать откровенно чувственный интерес. Какой бы я не старалась показаться оторвой, правда остается правдой: я – невинная девушка,

для которой такие разговоры более, чем неприемлемы.

– Что, прости?

Шокировано округляю глаза. Не могу до конца поверить в услышанное. Постепенно потрясение отступает, как прилив, оставляя после себя островки грязного ила. Руки, взметнувшись, упираются в широкую грудь, отталкивая.

– Так и есть, милая, – ни на шаг не сдвинувшись, он говорит так серьезно, что от этого еще более неловко себя чувствую. – Под настоящим мужиком всю твою спесь, как рукой снимет.

Меня буквально подкидывает от необузданного желания кулаком ударить в надменный подбородок! Шовинист чертов! От возмущения дыхание перехватывает.

– Но ты даже не думай меняться, милая, – будто провоцируя, добавляет Стэфан. В ярких глазах дьявола беснуются. – Намного занимательнее держать в объятиях девушку, у которой есть характер, свой взгляд, мировоззрение, а не силиконовую куклу с развлекательной функцией.

Да что же ты такой бесячий, Стэфан Дицони?!

Не могу поверить, что совсем недавно добровольно с ним на балкон пошла! Что б тебя...

Горячий гнев вместо крови вены наполняет, устремляется в бешеном темпе в сторону гулко бьющегося сердца. Но неожиданно вместе с бурлящей яростью приходит ясное понимание: не будь Дицони таким жестким, прямым и бесчувственным, никогда бы не пробился на самый верх. Гром-

ко фыркаю, словно рассерженная кошка, чем, кажется, еще больше забавляю Стэфана Дицони. В конце концов, никто не обязан соответствовать чьим-то ожиданиям. Но это совершенно не отменяет того факта, что он – козел и чурбан! Неотесанный мужлан!

**Балясины (от др. βαλαύστιον – «цветок дикого граната»; часть балясины похожа на чашечку цветка граната) в архитектуре – невысокие фигурные столбики в виде колонн (иногда с резным декором), поддерживающие поручни перил ограждений балконов, лестниц и тд.; изготавливаются из дерева, камня, металла, мрамора и др.*

Глава 14

Катя

На лице Дицони дикая смесь эмоций играет. Смогла-таки пробиться через его броню! На секунду чувствую ни с чем несравнимое ликование. Смогла! Только вот моя победа длиться не долго.

Эти глаза... они буквально сносят своей энергетикой все возможные рамки. Вдребезги разбивают мой многолетний порядок. В ушах звучит все тише и тише предупреждающий голос мамы: никакого алкоголя, никаких наркотиков, никаких поцелуев, никаких татуировок, никакого пирсинга... НИКАКИХ ГЛУПОСТЕЙ! Пока, я словно загнипнотизированная, замираю под немигающим взглядом, Стэфан, пользуясь моей секундной растерянностью, проникает паль-

цами в шелковистую массу волос на затылке и слегка тянет за золотистые пряди. В этом стремительном движении обжигающая власть. Он запрокидывает мою голову так, что беззащитная шея в полумраке белеет. Хозяин ситуации – не иначе.

– Я знаю, чем занять твой милый ротик, – рычит мне в губы, когда теряет терпение от провокационного поведения и острых, словно жало пчелы, слов. – Спорим, тебе понравится мой способ?

Горячие твердые губы обжигают в настойчивом поцелуе. Такое ощущение, что Дицони хочет наказать меня за какие-то только ему известные грехи. На секунду меня посещает странная до невозможности мысль: Стэфан приревновал к Илье! Но я тут же ее отметаю прочь. Разве так бывает?

Горячий твердый шелк языка касается нёба, проходится по нему с жадной настойчивостью. Мурашки по спине бьют картечью. Все, что я могу сделать в эту секунду, – это лишь глотать свои возмущенные стоны. Только к чему все это? Ведь я уже знаю, что заведомо проиграла! Рука вокруг моей талии все настойчивее сжимается в грубоватой ласке, сминая кожу через тонкую ткань платья.

Пытаюсь оттолкнуть Стэфана, но не могу. Шелковистый язык вновь и вновь во влажную глубину рта ныряет, лишая последних капель самообладания. Из последних сил упираюсь раскрытыми ладонями в широкую будто литую грудь. Протест против себя самой! Только ничего не могу поде-

лать – чувства позорно разуму проигрывают! Вся горю, будто внутри меня разлили канистру с бензином и подожгли! Раскаленная магма растекается по телу...

Надо быть душой, чтобы не признать – этот поцелуй – намного больше, чем простое соприкосновение губ. Когда наши губы встретились, будто запустился безвозвратный механизм в сердце. ТУК, ТУК, ТУК... Пульс отбивает в висках так, что все разумные мысли заглушает. Поцелуй такой сладкий и глубокий, что совершенно не хочется, чтобы он прекратился. Именно страсть придаёт ему эту пикантную сладость.

– Ты совершенно не умеешь целоваться, – шепчет он, на секунду отрываясь от моих припухших губ. Пара этих простых слов опять раздражение в самое русло крови пускает. – И это еще больше заводит...

– Я тысячу раз целовалась, – ни капли не преувеличиваю, а даже хвастаюсь. – Понятно?!

Сколько у меня было поцелуев с Ильей по сотне разных причин и не сосчитать. Когда он был милым, когда мне было скучно, когда это казалось забавным и особенно, когда мне что-то от него было нужно. Но по какой бы причине я не дарила свои поцелуи Илье, поцелуи с Сазоновым-младшим всегда выглядели такими одинаково пресными, скучными, жалкими. Да, на какое-то время это избавляло меня от всех страхов и этого казалось вполне достаточно.

А чего еще желать? Всего лишь обмен слюной. Кто бы

мог подумать, что ЭТО все может быть совершенно по-другому?! Теперь я точно знаю, что сегодняшний поцелуй – мой первый. Настоящий! Даже в самых смелых фантазиях я не могла мечтать о том, что эта ласка заставит выплеснуться фейерверк эмоций различного оттенка. Жидкой магмой по венам разойтись. И пусть поцелуй Дицони похож, скорее, на наказание, но мне это нравится... очень! Пусть наказывает.

– Понятно, – приподнимает с намеком бровь. – От чего же не понятно?

Этими словами дает понять, что я – врушка. Он так же, как и я, знает, что сегодняшний поцелуй Екатерина Зимина всю жизнь будет сравнивать с другими. Самое страшное, что не в их пользу. Он будто отравил меня, проник под кожу, в кровь...

– Не делай больше так, Стэфан, – предупреждаю Дицони. – Поцелуи не крадут, их дарят по собственной воле.

Будто желая убедить меня в обратном, мужчина обхватывает мой подбородок сильными пальцами. Губы сминают мои не желая мириться со сказанным. Стэфан выдыхает моё имя, и оно смешивается с нашим дыханием. Именно в это мгновение я понимаю, что никто еще не целовал меня ТАК. Судорожно веду вверх-вниз ладонями по широкой груди.

– Съел бы тебя, – отрывается на секунду, прикусывает чувственно мою нижнюю губу. – Я был почти уверен, что тебя оскорбят поцелуи с языком, но я ошибся. Я во многом ошибся.

Его поцелуй будто несанкционированный захват, который по щелчку пальцев сменяется на нежный плен. Трепетно целует в уголок рта, затем пылко сминая нижнюю губу.

– Ты хочешь меня, – не спрашивает, а утверждает. Жарко дышит, так что мурашки по чувствительной коже вверх к груди устремляются. – Я чувствую, как ты дрожишь в моих руках, – наклоняется к моей шее, ведет по бешено бьющейся жилке губами, пока не доходит до острой, хорошо выраженной ключицы. Слегка прикусывает пылающую под его пальцами кожу, и горячая волна вдоль позвоночника бежит. – Я знаю, что тебя тянет ко мне. Ты думаешь обо мне, даже когда не хочешь думать, – смотрит серьезно своими поразительными глазами. – Спорим, я тебе даже снюсь.

Испуганно вздрагиваю, потому что он прав. Стэфан Дицони мне снился. Я так потрясена всем тем, что между нами происходит. Так сильно! Так быстро...

– Черт, черт! – прикасаюсь к своим дрожащим губам пальцами. Смотрю на Стэфана беззащитным и между тем обвиняющим взглядом оленёнка Бэмби.

– Да, мне тоже понравилось, – в отличии от меня, Дицони выглядит более, чем довольным. – Тебя нужно целовать и часто, а целовать должен тот, кто знает в этом толк.

Глава 15

Катя

Какой уверенный! Будто он знал, что именно так всё будет. Единственное, что портит этот откровенный для меня

момент – легкий хриплый смешок Стэфана.

– Это не смешно! – срывается с губ обвиняюще и даже обиженно.

Заглушает обиду легким поцелуем. Будто вину заглаживает.

Когда он отрывается от меня, я чувствую себя так, будто на мне печать принадлежности поставили. Этот поцелуй в губы, словно договор... Договор, заключенный между нами, чтобы стать ближе друг к другу настолько, насколько это возможно. Он полный, обещающий дать все, что есть, позволяющий подобные отношения и даже больше. Намного больше.

– Это и правда не смешно, – неожиданно серьезно откликается Стэфан. В его глазах на секунду удивление мелькает. – Единственное, над чем я могу смеяться, так это над самим собой. Что так глупо вляпался по самые...

Не успевает договорить, потому что с силой толкаю его в сторону тени – туда, куда не достает свет от бра. Дицони, явно не ожидавший от меня такого, послушно делает шаг назад. Не вижу его лица, когда за спиной становится более отчетливым скрип двери. Я уже готова и собрана, когда тишину разрывает отчетливый знакомый голос:

– Вот ты где...

Отец деловито поправляет широкий классический галстук, но за кажущимся спокойствием проскальзывает нечто такое, от чего у меня буквально внутри все предостерегает.

Я знаю этот взгляд. Узнаю наклон головы. На что-то хорошее даже нет смысла рассчитывать. Сейчас начнется!

Взгляд цепких голубых глаз метнувшись мне за спину, буквально леденеет. Во взгляде отца морозная сталь отражается. Не нужно оборачиваться для того, чтобы понять, кто именно привлек внимание моего отца – Стэфан Дицони не будет скрываться в тени.

– Дицони.

– Зимин.

Если голос отца будто снежный буран – стужа способная заморозить насмерть одним своим касанием, то голос Дицони настолько безразлично презрительный, что хочется безмолвно согнуться с этого света.

Два сильных достойных друг друга соперника. Этот словесный обмен между ними даже сложно назвать приветствием, скорее, это факт подтверждения, что враги видят друг друга. Игнорировать не получится, находясь столь близко – на одной территории.

Отец вновь возвращает взгляд на меня. Тонкие губы в сплошную линию смыкаются.

– Тебе уже лучше?

– Лучше? – непонимающе вглядываюсь в строгие деспотичные черты родителя. О чем он вообще?

– Тебе стало плохо, Екатерина, – смотрит, как удав на кролика – гипнотизирует. – Поэтому ты и вышла на балкон.

Это не вопрос – это приказ. Отец отдает команду, указы-

вая на то, как именно я должна оправдать свой промах перед гостями относительно того, что уединилась с Дицони. Этим самым я преступила все правила приличия. Екатерина... Когда отец в последний раз так меня называл? Кажется, когда я разбила окно в одиннадцатом классе в кабинете директора. Видимо он просто в бешенстве! Пока я пытаюсь срочно что-нибудь придумать, отец пускает в ход один из своих козырей.

– Надеюсь «недомогание», – кидает выразительный взгляд на мое взволнованное и обескураженное его неожиданным появлением лицо, – не повлияет на твое присутствие на ужине? Сегодня одно из моих любимых блюд, – понижает тон, будто доверительно сообщает. – Конина.

С трудом сдерживаю готовый сорваться с губ потрясенный выдох. Тревога вместе с тошнотворной волной вверх по горлу поднимается. Зачем он так? Ужас сковывает все мышцы от мысли, чем именно отец собрался угощать гостей. Боль жжёт в сердце раскалённым углём, хочется вынуть ее и швырнуться обидчику в лицо! И пусть даже если это родной отец. Меня действительно штормит от самого, должно быть, страшного гнева, что смешан с бессилием.

– Как ты... как ты можешь так поступать?

– Да, перестань, – едко обрывает отец. – Вообще не понимаю, зачем ты с ними возишься. У тебя есть машина...

– Машины – не лошади! – перебиваю с надрывом. В уголках глаз предательски собирается соленая влага. – У них нет сердца и... Да кому я пытаюсь это объяснить? Господи! –

добавляю еле слышно, прикусив губу до боли. – С ними не поговоришь.

Не могу поверить, что отец мог пойти на такое! Это настолько кажется чудовищным, что в голове не укладывается. Решил наказать меня за непослушание? За то, что так часто пропадаю на ферме? Чувствую себя так, будто предали – с размаху дали пощечину. Ноги будто в бетонный пол вросли, двинуться не могу. Если быть правдивой перед собой, я была бы не так потрясена, если бы отец ударил меня посреди зала полного гостей.

Лицо пылает от горькой обиды и тошнотворного чувства предательства. Зная мою любовь к животным... Как у него вообще язык повернулся?! Никогда не приму жестокости к этим преданным, надежным, а главное – умные и добрым существам! Так больно, что не сразу осознаю, что в этот раз отец своей мишенью выбрал совершенно другого человека – Стэфана Дицони. Вот кого родитель в этот раз решил угостить щедрой порцией своего яда. Того, кто не задумываясь оказался впереди меня, задвинув за свою мощную спину в жесте защиты. И от кого?! От моего собственного отца.

– Не понимаю твоих девчачьих капризов. Это деликатес! – говорит отец, пытаясь встретиться со мной взглядом, но широкоплечая фигура Дицони делает это просто невозможным. – Мясо мягкое, волокнистое...

Мутит! Все, что хочу сделать в это секунду – закрыть глаза и заткнуть уши. Вместо этого я вижу, как с каждым произ-

несенным словом отца все сильнее каменеют мышцы спины Стэфана. Они отчётливо прорисовываются через ткань рубашки, намекая, что брюнет в определенных ситуациях может повести себя далеко не так, как джентльмен. Вся трясусь, как от холода, и даже пламя свечей в настенных бра кажется каким-то бледным.

Глава 16

Катя

Почувствовав мою дрожь, Стэфан оборачивается. Заметив непролитые слёзы, резким движением снимает со сгиба локтя пиджак, и меня будто с ног до головы окутывает чувство безопасности, когда тяжелая ткань, словно теплое покрывало, ложится на мои плечи. Пиджак пропитан чуть терпким, удивительно незабываемым ароматом. Суровые и терпкие аккорды с кожаной основной нотой, а все остальные ее органично поддерживает. Шлейф стойкий и ассоциируется с уверенностью, роскошью и достатком. Определенно – это аромат Стэфана. Стопроцентное попадание, не меньше! Прижимаюсь машинально носом к воротнику, делаю глубокий вдох. Сжимаю лацканы пиджака так, что костяшки пальцев белеют. Да-аа, именно табак и ладан превращает его в уникальный ансамбль.

– Как дела? Как бизнес?

Почему простой вопрос от моего родителя звучит настолько оскорбительно? Почему отец так себя ведет? Ведь именно он был тем, кто учил меня дипломатии!

– Как тебе сказать? – Стэфан одаривает моего отца снисходительной улыбкой, которая что ни на есть – высшая форма презрения. – Не так хорошо, как бы мне хотелось, но и не так уж плохо, как хотелось бы тебе.

– Не играй со мной, Дицони, – цедит отец, прекрасно зная, каких высот добился Стэфан. – Я в курсе твоих планов. Сорок пять процентов моей компании уже в твоих...

– Сорок пять – это только начало, – перебивает жестко Стэфан. – Не люблю останавливаться на полпути – не в моем характере.

Рот отца буквально перекошен от злости. С трудом сдерживается – это видно невооруженным взглядом.

Я чувствую волны ярости, исходящие от Дицони. Однако, в отличие от отца, Стэфан выглядит так, будто ведет самый скучный в своей жизни диалог. Вот именно сейчас я понимаю, что по-настоящему сильный человек – это тот, кто может управлять своим гневом. Его ответы четкие, пропитанные этакой тонкой аурой цинизма. Стэфан ловко жонглирует словами, подпитывая их черным юмором и циничной улыбкой. А что еще остается умному человеку в обществе недругов?

– Если у тебя проблемы в бизнесе, Зимин, – Дицони с намеком приподнимает черную бровь, – вини в этом исключительно себя. Мои советы стоят дорого. Впрочем, как и время. Один я все-таки дам тебе в виде исключения: начни с бухгалтерии.

Желваки на скулах отца ходят ходуном. Любая критика в сторону родителя приводит его в мгновенную ярость. Больше всего на свете Борис Зимин ненавидит советы.

– И для чего тебе это? – всем своим видом отец показывает неприятие стоящего перед ним человека.

– Чтобы не так было легко, – хищная улыбка Стэфана открывает вид на острые белоснежные резцы. – Мне скучно.

Дицони подается вперед. Моя рука буквально тонет в широкой мужской ладони. Задерживаю дыхание, когда чувствительной тонкой кожи кисти касаются горячие твердые губы.

– Екатерина Борисовна, до встречи.

Растерянно приоткрыв рот, наблюдаю за тем, как Стэфан, прощается со мной, при этом намекая или обещая очередную встречу. Он игнорирует пылающего от злобы отца, что стоит в трех шагах от нас. Все-таки Дицони очень неординарная личность. Мало обладать остроумием, нужно ещё уметь избегать последствий, а с этим он просто мастерски справляется. Вон, как ловко сплел «паутину» вокруг отца и глупо тарашащегося Ильи. Они даже глазом моргнуть не успели.

И правда, отвращение к мухам легко может превратиться в симпатию к паукам. Тут же успокаиваю себя, когда тону в необычных глазах мужчины. Все ошибаются. Ведь даже на карандашах есть ластики. Стереть все и начать сначала.

Моя жизнь и правда очень похожа на театр или маскарад. Один и тот же человек играет то злодея, то героя и тот, кто

вызывал во мне совсем недавно страх, уже сегодня может стать предметом моего восхищения.

Как же я ошибалась в Стэфане! Стэфан из тех людей, которым нужно всего лишь улыбаться, отвечая тем самым на проявление хамства. После такого не каждый способен продолжать вести себя в том же духе. Его улыбка – оружие совершенно другого уровня. В этом я полностью убедилась, наблюдая за тем, как «сдулся» отец, а вместе с ним и робкий, запуганный, притаившийся за его спиной Илья Сазонов. Жениха, между прочим, я даже не сразу заметила!

Непроизвольно кривлю губы. Наверное, ничто так не отвращает женщину от мужчины, как его трусость. Когда-то он был мне приятен, но теперь все в нем мне невыносимо, все в нем отталкивает. Я и раньше никогда много не ждала от Ильи, но всё равно разочарована. Не могу больше оставаться на террасе. Головная боль будто тисками виски сковывает. Слишком большое напряжение.

– Извините, – будто какая-то сила заставляет подойти к дверям, громко цокая каблуками. Наверняка, чувство самосохранения. Потому что даже больше минуты все это я не смогу выдерживать. Хочется обернуться, чтобы посмотреть в последний раз на Стэфана... но поступаю иначе.

Зал встречает меня гулом голосов. К моему облегчению, все заняты лишь демонстрацией своих возможностей, денег, драгоценностей и раздутого эго. Никому нет дела до меня. Дойдя до лестницы, понимаю, что на мне до сих пор пиджак

Стэфана.

Вернуться, чтобы отдать? От одной этой мысли тошно становится.

Только вот судьба решает по-другому. Как только делаю шаг вверх по лестнице, слуха касается хриплый голос:

– Так понравился мой пиджак?

Поспешно оборачиваюсь. Пересекающая до этого морщинка меж бровей разглаживается. Стэфан... Улыбается обаятельно. Глаза горят, когда он скользит взглядом по фигуре, облаченной его пиджак. Поспешно стягиваю предмет гардероба и протягиваю Дицони.

– Извини, вот... спасибо.

– Не надо, – резко останавливает Стэфан. – Оставь. Тебе он больше идет.

Глава 17

Катя

Растерянно сжимаю платную ткань, не зная, как поступить. Делаю то, что привыкла в таких неоднозначных неловких ситуациях, – говорю, что первое в голову взбредет:

– Отец считает, что ты – выскочка.

Стэфан приподнимает насмешливо бровь, но отвечает совершенно спокойно, без присущей ему иронии.

– Меня называли и похуже, принцесса.

Подходит ко мне так, что на одном уровне оказываемся. Только вот я на ступени выше. Наклоняется ближе, прикла-

дывая к моим губам указательный палец.

– Ты слышишь это?

Прислушиваюсь послушно и сосредоточенно, от чего на его губах появляется снисходительная кривая улыбочка. Будто его моя старательность умиляет.

– Нет, ничего, – мотаю головой, – тишина.

Словно зачарованная смотрю на то, как чувственные четко очерченные губы приоткрываются:

– Да, тишина, – подтверждает Дицони. – Это звук того, что мне все равно. Да и ты не плохо держалась.

Его взгляд обжигает так, что щеки начинают алеть от неожиданного и необычного для меня комплимента.

– Имею право в свой день рождения, – демонстрирую ямочки на щеках – одно из моих главных оружий в обольщении.

– Правда? – в голосе Стэфана слышится искреннее удивление.

– Да, – пожимаю плечами, – этот званый обед, – делаю пальцами кавычки, – в день моего рождения.

– Я не знал. Сегодня?

– Нет, две недели назад, но отмечают сегодня, – решаю пошутить. – Это повторяется в тот же день каждый год.

– Я не слышал, чтобы тебя поздравляли, – Стэфан задумчиво разглядывает мое лицо, будто хочет найти на нем отпечаток грусти. – Всегда думал, что день рождения – это праздник, а не сборище разодетых идиотов, которые меряются у

кого больше кошелек, – подмигивает, только вот глаза остаются серьезными. – Где шарики?

Пожимаю плечами и вымученно улыбаюсь:

– Как оказалось, день рождения не имеет никакого отношения к празднику, – наклоняю голову набок, робко улыбаясь. – Мне никогда не нравилось это притворное, заранее расписанное веселье – это как дуло к виску: «Веселись? Кому говорят?!» Поэтому лучше пусть будет так...

– Это неправильно, Катя, – голос Стэфана звучит непривычно мягко.

На секунду даю прорваться истинным чувствам сквозь маску:

– А что правильно в этой жизни Стэфан? – глаза наполняются соленой влагой. – Ты знаешь, что это? Потому что я – нет.

Дурацкий Дицони! Как он это делает? Обнажает, словно оголенный провод, все мои эмоции. Внутри все дрожит от желания разрыдаться. Причем, далеко не так, как леди, а громко и навзрыд. Я не имею на это права. Грусть для меня – непозволительная роскошь.

Длинные черные ресницы прикрывают глаза с гетерохромией. Сложно понять, какие именно мысли Стэфан прячет за ними.

С бешено колотящимся сердцем наблюдаю за тем, как твердые губы неумолимо приближаются. Ни на секунду не возникает желания уклониться. Инстинктивно прикрываю

глаза. Легкий поцелуй в лоб и Стэфан аккуратно, почти благоговейно, отводит мою золотистую прядь волос от шеи. Аккуратно шершавыми подушечками пальцев убирает одну единственную вырвавшуюся на волю каплю слезы:

– С днем рождения, принцесса.

Такие простые слова. Странно, но в районе сердца становится тепло и приятно. Губы дрожат и никак не могут сложиться в улыбку.

– Извини, кажется, сегодня мой «улыбатор» сломался, а может, сели батарейки, а может... – замолкаю на полуслове. Понимаю, что несу ерунду. Должно быть, это защитный механизм.

Только вот обаятельные ямочки на щеках Дицони подсказывают, что он все-таки оценил по достоинству мой юмор.

– Ты удивительная девушка.

Еще мгновение и лица касается легкий ветерок. Я уже одна.

«Да, – думаю, наблюдая за тем, как мужчина уверенным шагом направляется к выходу, – конечно, ты умный, красивый и, наверняка, превосходный любовник».

Мои мысли обрывает голос Сазонова-младшего, который, к моему удивлению, стоит так близко от лестницы. Надо же, даже не заметила, как подошел!

«Конечно, пялилась на Стэфана Дицони, – ехидничает внутренний голос. – Разве что-то заметишь?»

– Мне даже немного жаль, что Дицони свалил, – злорад-

ствует Илья, в пару шагов оказываясь возле меня. – Я бы с удовольствием посмотрел, как этот деревенщина корчит-ся под взглядами, соображая, какой прибор выбрать для устриц.

Жених кладет ладонь поверх моей руки, лежащей на перилах. Отдергиваю пальцы, смерив его сверху вниз презрительным взглядом.

– Спасибо, что показал своё истинное лицо, – поджимаю губы, высказывая свое недовольство. – Теперь я знаю, с кем имею дело.

– Кать, ты что? – округляет непонимающе светлые глаза Илья. Тон голоса меняется. – Что я такого сказал?

Рука парня машинально тянется к галстуку.

Его слова буквально приводят меня в состояние бешенства. Как же страшно – вот так, как он, упасть до уровня трусливого животного и даже этого не осознавать. Попробуй-ка все то же самое сказать, что он сказал мне минуту назад, но в лицо Стэфану Дицони.

– Ты ещё не понял меня?! – сдуваю раздраженно прядь волос, упавшую на лоб. – Я хочу не спеша, все обдумать. В одиночестве, – добавляю веско.

– Что обдумать? – светлые глаза бегают, когда Илья пытается найти пути отступления. – Кать, ты чего?

Младший Сазонов выглядит так, будто его обокрали, а первое, что взяли – это достоинство. Перед глазами появляется совсем другой пример. Я вспоминаю, с каким демон-

стративным пренебрежением Стэфан Дициони реагировал на клевету, что ему вонзали раз за разом между ребер. В нем чувствуется стержень. Он ни от кого не зависит.

А Илья? Как же он жалок. Даже оправдания в моей голове звучат слишком жалко. Он всего лишь пытается выживать, как животное, и для этого ему не нужны ни честь, ни достоинство. Жизнь инфузории-туфельки! Я так не хочу!

На автомате приподнимаю повыше подбородок, как и привыкла поступать в любой жизненной ситуации. Мне и правда надо кое-что переосмыслить... А может даже составить план. В груди, словно цветок, надежда распускается, а за спиной будто крылья вырастают! Потому что все, чего мне реально хочется, – это чувствовать себя свободной от обстоятельств и сохранить СЕБЯ, нежели какой-то внешний комфорт. К черту деньги!

Проигнорировав вопрос жениха, спешу вверх по крутой лестнице, чтобы поскорее скрыться в своей спальне. И все не потому, что нас могут услышать. Стыд, как говорится, глаза не выест. Пусть знают все! Екатерина Борисовна Зимина – не кукла, которая послушно исполняет все капризы своего отца-кукловода!

Глава 18

Стэфан

Как у этой паскуды, Зимина, могла получиться такая дочь? Улыбатор... Криво усмехаюсь. Забавная! Прежде, чем сделать большой глоток янтарной жидкости, взбалтываю

охлажденный стакан со льдом. Задумчиво наблюдаю, как идеальные кубики одного размера с характерным звуком плавно сталкиваются друг с другом. Едко усмехаюсь, устремив взгляд сквозь прозрачные панорамные окна высотки на ночной город. Темнота срывает с людей все дневные маски.

Бешеный ритм улиц, яркий свет, рев музыки напрягают так сильно, что, порой, хочется сбежать от этого в тихую, полную блаженного спокойствия темноту – такую, например, как мой офис. Ночной город буквально пропитался грязными мыслями, дорогими вещами и пороками. Но, должен признать, что есть и что-то особенное в этом времени суток. Небо, фонари, светящиеся окна, огни на мостах – все отражается в речной воде. И, кажется, что эти огоньки – звезды, сияющие на земле.

Делаю еще один глоток и терпкий крепкий вкус пшеницы и засахаренной груши оставляют приятное послевкусие. Тепло по венам растекается. Огни больших городов манят, но и так же сильно обжигают. Этот урок я усвоил очень рано. Устало проведя по затылку пятерней, отхожу от окна. Никакие, даже самые яркие огни, не сравнятся по красоте с теми, которые освещают родную землю. Если бы не ОНА, возможно, я бы уже был в самолете на полпути в Анапу.

Зими́на Екатерина Борисовна оказалась очень красива. У нее лицо ангела: изящный носик, высокие скулы, пухлые капризные губы. Несмотря на золотисто-русые волосы, светлые глаза обрамляют длинные черные ресницы.

– Какого черта...

Делаю последний глоток, полностью опустошая бокал. Ду-
маю о ней, как сопливый юнец, который впервые увидел
смазливое личико и поплыл. Несмотря на юный возраст де-
вушки, должен признать, держалась на этом балу Сатаны Ка-
тя с большим достоинством. Задумчиво сощурившись, вспо-
минаю, как увидел ослепительно красивую блондинку в бе-
лом коктейльном платье с пышными рукавами, когда она
спускалась по лестнице в гостиную. Мне тогда, словно под
дых дали. Жестко. Безжалостно. Будто в нокаут отправили.
Я, как одержимый, следил за тем, как Катя останавливается,
чтобы поговорить с престарелой парой, а когда группа гостей
отошла к камину и загородила девушку, я еле поборол жела-
ние отодвинуть в сторону очередного акционера, чтобы по-
пытаться получше разглядеть хрупкую златовласку.

Не люблю себе врать. Это первый шаг в пропасть – в ни-
куда. Это хрупкое создание растрогало мою обычно грубо-
ватую натуру. Сжимая до скрежета зубы, признаюсь в том,
что она, как вирусная программа, без труда проникла в мое
подсознание, сорвала прошивку и заменила файлы... одним
своим взглядом поразительных глаз. Нет, не синие, как мне
по началу показалось. Фиалковые! Никогда таких не видел –
уверен ни у кого таких и нет. Просто не бывает. Она казалась
крошечной по сравнению с мной, и мои защитные инстинк-
ты обострились, как никогда прежде.

От воспоминаний о влажных мягких губах, в районе ши-

ринки дискомфорт появляется. Непроизвольно поправляю брюки. Да, ладно... Делаю глубокий вдох, чтобы хоть как-то успокоить закипевшую в жилах кровь. Проклятье! Да в моей жизни секс и то никогда не был наполнен такими чувствами, как этот поцелуй.

Она удивительная! Противоречивая настолько, насколько это возможно. Хрупкая, нежная, беззащитная, но с полуоборота готовая превратиться в дикую фурию. Готовая за свои убеждения пойти против более сильного противника. Например, такого, как ее отец.

Урод! Зимин в своем репертуаре. Даже из своей дочери готовый проект сделал. Без зазрения совести продать готов, вложить будто бездушный пакет акций. Да еще так бездарно!

Разве не видит, что из себя представляет Илья Сазонов? Какой из него управленец? Максимум, на что и способен мальчишка, так это быть рядовым исполнителем. Ни таланта, ни маломальской интуиции у будущего зятя Зимина и в помине нет. Едко усмехаюсь. Таких, как Сазонов, я еще лет десять назад за конкурентов не считал. Ни в бизнесе, ни в... Делаю еще один глоток и хищно щурюсь. Крылья ноздрей раздуваются, когда вспоминаю тонкий нежный аромат девушки. Белые лилии, фиалка и сочная зелень. На секунду прикрываю глаза. Прямо представляю длинные золотистые шелковые пряди волос, что разметались по хрупким алебастрово-белым плечам.

А малышка, похоже, не особо истосковалась в разлуке

с женишком. Вспоминаю вздернутый в гордом жесте аккуратный кукольный носик и горящие мятежным огнем глаза. Криво усмехаюсь. Это не может не радовать.

Телефонный звонок резко нарушает тишину. Хочется проигнорировать вызов, но, когда вижу, кто именно звонит, все-таки решаю принять его.

– Здорово, Стэф! Дружище! – доносится бодрый голос Станислава Лебедева из динамика. Машинально ставлю на громкую связь. – Накладные случайно у тебя не под рукой?

В одно мгновение оказавшись возле рабочего стола, отодвигаю в сторону кипу бумаг, пока нужный документ не нахожу.

– Вижу. Они прямо передо мной.

– Ты, что, – подшучивает Стас и по совместительству лучший друг, – еще в офисе, маньячина?

Криво усмехаюсь, игнорируя подтрунивающие ноты в голосе Лебедева. Есть ли еще тот, кто не знает, что я – свихнувшийся трудоголик?

– Передай им, что мы готовы сотрудничать, – приступаю сразу же к делу. Раздаю привычно указания, – но необходимо снизить цену. Пусть не надеются, что мы настолько тупые, чтоб спустить всю выигранную в суде компенсацию на предложения с завышенными ценами, – прочистив горло, добавляю: – И скажи, что свяжешься с другими подрядчиками. Это заставит их снизить стоимость. Не выходи за рамки оговоренной нами цены, а если они откажутся, звони другим и

заново начинай торговаться.

Глава 19

Стэфан

– Черт, до сих пор не могу поверить, что мой лучший друг всем задницу надрал! Стэээф, о тебе все заголовки пестрят!

Да, Лебедев со мной с самых низов. Он стоял со мной плечом к плечу, когда я еще пять лет назад трудился мелким предпринимателем. Пахал, как трактор. На мне неплохо заработали все – пожарники, санэпидстанция, менты, районные чиновники и чиновники из мэрии, налоговики и даже таможенники. Один я почему-то ни фига не заработал! Пока не понял, что мелкая рыба не для меня. Вот тогда я начал играть по-крупному – и все изменилось.

Риск – он заставил меня довериться инстинктам. Именно благодаря им, которые раз за разом безошибочно выстреливали, очередной миллион благополучно оседал на моем банковском счете. Я по праву приобрел репутацию безжалостного хищника – акулы, готового действовать даже грязными методами, чтобы добиться цели.

Только вот в последнее время никакие достижения, никакие победы больше не доставляют мне той былой эйфории. Будто все приелось. Заранее знаешь, что рано или поздно очередной Эверест покоришь. Все слишком легко дается. Компани, деньги, женщины... Все слишком предсказуемо.

До того момента, пока я не встретил дочь своего врага. Она – словно жидкая ртуть. Изменчивая и непредсказуемая.

А главное – живая. Ее непосредственность интригует, заставляет желать копнуть глубже. Узнать, что же представляет собой Екатерина Зимина.

– Стэф, как ты? – небольшая пауза, после которой Стас осторожно добавляет. – Уверен, Зимин на говно изошел, когда тебя увидел на приеме. Как ты его заставил не вышвырнуть тебя вон?

– Я угрожал раскрыть его тайну, – приподнимаю привычно бровь, будто издеваясь.

– Какую?

– Без понятия, я блефовал. Но, должно быть, что-то ужасное.

Довольный смех Стаса на том конце провода заставляет легкий укол совести почувствовать. Потому что блефую я именно сейчас. Нагло лучшему другу вру.

Секрет Зимина невозможно забыть – никогда и ни при каких обстоятельствах. Проще сдохнуть.

Бросив бумаги обратно на столешницу, подхожу к креслу во главе стола. Только сейчас отвечаю на первый вопрос Лебедева:

– Хреново. Еще сто грамм инвестиций, – совершенно серьезно сообщаю другу, откидываясь лениво на спинку кожаного кресла из дорогой телячьей кожи, – и я – недвижимость!

Устало проводя рукой по лицу подальше от себя пустой стакан отодвигаю. К черту все – и это тоже!

– Так, как все прошло?

– Не плохо, – отвечаю скупно. Не люблю слова, предпочитаю на деле показать результат. – Ты же знаешь, что мне ничего не стоит извлекать деньги из кармана другого человека, не прибегая к насилию. Он банкрот – помяни мое слово.

Хриплый смех друга заставляет уголки губ лениво подняться в ответной улыбке.

– Зимин в курсе, что у него завелась крыса?

– Я ему намекнул, – усмехаюсь. – Хотя, сам знаешь, я люблю придерживаться правила, что, когда неприятель делает ошибку, не следует ему мешать. Это невежливо.

– Я на твоём месте уже бы приступил к более решительным действиям.

На тебя все это не похоже, Стэф. Что ты задумал? Зачем ты даешь ему фору?

Пожимаю плечами, как будто собеседник может меня видеть.

– Сдаёшься? – нарывается Лебедев.

– Жуй говно! – отвечаю грубо, в своём стиле.

– Ладно, не заводись. Я пошутил.

– Знаешь, Стас, – в моем голосе добродушные ноты звучат, – люди, которые рассказывают несмешные шутки, получают сломанные пальцы.

Лебедев, нисколько не обидевшись, но, почуяв неладное, меняет тему:

– Кстати, что из себя представляет Сазонов-младший?

Издаю пренебрежительный смешок. Намеренно оскорбительно искажаю имя.

– Пустое место. Из разряда «Васе его папа купил фирму, и теперь Вася нам расскажет, как открыть свой бизнес с нуля и на что обратить внимание», – должно быть, даже через динамик чувствуется исходящая от меня слепая ярость. – Больше всего не переношу избалованных детишек богачей.

– Понял. Ладно, дружище, завтра в первую очередь в банк метнусь.

– Стас, будешь перечислять бабки подрядчикам, сделай еще одно дельце.

– Без проблем, записываю.

Когда я называю элитный бутик и озвучиваю сумму, которую собираюсь там потратить, Лебедев, громко присвистнув, интересуется:

– На чье имя все организовать?

– Зимина Екатерина Борисовна.

– Зимина?!

Молча постукиваю «Паркером» с серебряным пером по ежедневнику, прежде чем ответить:

– Просто сделай, как я сказал.

– Да ты чертов псих, Стэф! – в голосе Лебедева не просто беспокойство, а полное смятение. – Я видел ее фото, когда ты досье на нее просил, – говорит так, как будто обвиняет. – Девка красивая, НО Стэф... черт возьми! Мужик, ты что тво-

ришь?! Ты на этой девчонке помешался! Слушай, брат, выкинь ее из головы. Она никогда не будет твоей. Я понимаю, что у тебя сейчас не самые легкие времена с ...

– Не втягивай только сюда...

– Как скажешь, – сухо перебивает, понимая, что сквозь выстроенную мной стену уже не пробиться. – Я надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

Не прощаясь, скидываю вызов. В ушах будто набатом звучит: «Выкинь ее из головы. Она никогда не будет твоей». А вот это проблема! Потому что я уже думаю о Кате исключительно, как "моя". Именно так – не иначе. И, похоже, чертовски влип.

Глава 20

Катя

– Войдите.

Дарья, как всегда, смущенно потупив взгляд, переступает порог.

Прежде, чем глубоко вздохнуть, в последний раз провожу деревянной расческой по распущенным золотистым волосам. Всю ночь промаялась. Никак не могла выкинуть из головы приятный голос с хрипотцой, пронзительные глаза и бугрящиеся на руках мышцы. Эти широченные плечи!

«Хватит пускать слюни!» – одергиваю себя, напоминая о том, что в данный момент уже не одна в комнате.

Ничего не могу с собой поделать. Стэфан Дицони произвел на меня глубокое впечатление. Никогда не встречала

мужчин похожих на него. Меня окружали робкие несмелые поклонники, на фоне которых я чувствовала себя почти оторвой.

Илья – тоже не исключение. Сазонов-младший, словно мягкий пластилин в моих руках. Скучно... Мужчина без харизмы, как переваренный резиновый кальмар: под шампанское пойдет, а так – нет. Но проблема в том, что этот напиток я категорически не переношу.

А вот Дицони – полная противоположность жениху. Это и дураку понятно. С его обаянием, просто нереально игнорировать притяжение! Мысленно усмехаюсь.

Илья до мозга костей экономист. Педант, вечно следующий правилам. Стэфан – как раз тот, кому нарушить их – раз плюнуть. Он из тех, кто обводит вокруг пальца таких, как Сазонов-младший. Нет сомнений: враг моего отца одной левой уложит на лопатки Илью.

Жестко по отношению к жениху, но на моих губах легкая тень улыбки появляется. Когда во всех красках представлю размахивающего кулаком тщедушного Илью. Илья Сазонов ничего тяжелее клюшки для гольфа не держал. Он бледный, такой стройный, что уместнее будет сказать – щуплый. Да и выше меня всего на несколько сантиметров. Не удивлюсь, если и вес у нас не на много расходится.

Дицони, должно быть, на несколько десятков килограмм тяжелее моего жениха. Такой высокий... Мечтательно прикрываю глаза. И, несомненно, просто дьявольски привлека-

тельный. Только вот судьбу я обязана связать с Ильей, а думать о Стэфане и сметь не должна. Отец ясно дал понять, как относится к конкуренту. Он не поймет, что я просто заранее была обречена на то, чтобы заметить и заинтересоваться Стэфаном. К тому же харизма Дицони куда более эффективна, чем примитивное давление моего отца. Обаяние в Дицони исходит буквально из каждой клеточки. От мужской энергии, во взгляде, походке, телосложении, звуке голоса, прямой жестикуляции...

Ум, красота, спортивные успехи, подвешенный язык, умение одеваться – сами по себе ещё не определяют мой типаж мужчины, если, конечно, он у меня есть. А вот обаяние личности решает всё. Уверена, будь Стэфан даже не таким красавцем, все равно бы привлек мое внимание.

На лице появляется кислая мина. Все эти мысли вызывают чувство досады. Меня будто обманули, подсунули совсем не то, что нравится, но, при этом, я обязана делать вид, что вполне довольна происходящим вокруг.

Негромкий звук отвлекает от мыслей. Я машинально бросаю вопросительный взгляд в отражение зеркала над туалетным столиком. Растерянно встречаюсь с кроткими карими глазами горничной.

– Что ты хотела, Дарья?

– Екатерина Борисовна, – взгляд девушки едва сдерживаемым восторгом горит, – вам букет прислали. Внизу курьер ждет.

Настороженно убираю щетку от волос. Илья? Подлизаться хочет. Едва сдерживаюсь, чтобы глаза не закатить. Сто лет мне его веник не сдался! Упрямо поджимаю губы, размышляя о том, каким способом лучше попросить Дашу от букета избавиться. А что тут думать? В мусорный бак – так же, как и все то время, что я на этого труса потратила.

– Очень красивый букет. Розы, – открыто намекает Дарья на то, что презент вовсе и не от Сазонова-младшего.

Не гладиолусы?! Точно не Илья! Мгновенный интерес зажигается, словно факел. Его пламя почти осязаемо касается каких-то потайных струн души – подогревает любопытство. Порывисто поднимаюсь со стула, почти чувствую, как в глазах искры загораются.

– Мама видела? – на всякий случай почву прощупываю.

Прикусив губу, Даша, отрицательно качает головой. Растягивает полные губы в робкой улыбке.

– Светлана Леонидовна не знает о том, что вас курьер внизу ожидает, – заговорщически тон понижает.

Одарив девушку благодарной улыбкой, бросаю расческу на гладкую поверхность столика. В нетерпении направляюсь к двери. Мраморную лестницу в три счета миную и почти вбегаю в гостиную. Сердце стучит так, что, кажется, вот-вот из груди выпрыгнет.

Юбка-солнце изумрудного цвета колыхнется вокруг лодыжек мягкими складками, когда внезапно замираю.

О, господи! В благоговейном восхищении не отвожу взгляда от огромной пышной охапки роз. Почти завизжать от восторга готова. Зеленые сочные стебли без малого почти в мой рост! Это букет ни на что не похож. Все, что обычно до этого приносили, было, мягко говоря, очень сдержанным и утонченным. Здесь же пахнет, роскошью и огромными деньгами. Все по-королевски сдобрено щедростью. Полный восторг!

Парень в униформе даже вспотел, держа эту прелесть. Бедный! Пот под кепкой блестит, будто прозрачные бисеринки.

Приближаюсь как во сне. Да я за все свои восемнадцать лет ни разу не видела такого шикарного букета!

– Это мне? – недоверчиво хлопаю ресницами, подходя еще ближе.

Восхищенно притрагиваюсь к лепесткам ярко-красных кровавых роз.

– Екатерина Борисовна? – уточняет курьер, с надеждой вглядываясь мне в лицо. Кажется, еще немного и он под тяжестью букета согнется. Я даже уверена, что вижу, как его руки от усталости дрожат. – Куда поставить?

Знакомый стук каблуков заставляет поспешно обернуться. Черт! Мама!

Глава 21

Катя

– Что случилось?

Родительница смеряет курьера полным подозрения взглядом, а затем

недовольно поджимает губы. Она явно не впечатлилась широким жестом моего поклонника. Слегка сморщив точеный нос в жесте брезгливости, к моему удивлению, достаточно сдержанно бросает лишь одну чопорную фразу:

– Жуть! Какая вульгарщина.

Тонкая бровь высоко поднимается, когда я, с трудом сдерживаясь, счастливо улыбаюсь. Мама с подозрением щурит голубые глаза с ледяным отблеском.

– От кого букет, Катя?

Одним ловким движением пальцев прячу поглубже белую открытку с золотым тиснением среди тугих бутонов роз.

– Без понятия, – кокетливо опускаю глаза и пожимаю плечами. Надеваю отрепетированный до идеала невинный взгляд, подобно солнечным очкам. – Отнесите, пожалуйста, в мою комнату, – мило улыбаясь курьеру, предлагаю последовать за мной в спальню. Все внутри буквально клокочет от любопытства, когда к лестнице спешу. В спину упирается острый, словно лезвие клинка, взгляд мамы.

Как только курьер с трудом преодолевает последнюю ступень, распахиваю перед запыхавшимся парнем дверь в спальню.

– Сюда, – указываю на свою кровать, и курьер торопливо

опускает букет на пушистое покрывало. Удивленно моргаю, когда рядом с букетом курьер оставляет ранее мной не замеченный белый бумажный пакет с черным витиеватым орнаментом.

На вежливое прощание курьера даже не реагирую. Все внимание сосредоточено на шикарном букете на кровати. Оставшись один на один со своим подарком, в нетерпении раздвигаю плотные бутоны роз. Аромат такой нежный и одновременно чувственный, что сладко кружится голова. Удостоверившись, что никто не помешает, с жадным нетерпением ловко вытаскиваю открытку. С замиранием сердца люблюсь идеальным мужским каллиграфическим почерком. Когда слова доходят до моего сознания, непроизвольно рот приоткрываю.

«С днем рождения, очаровательная девочка с глазами цвета фиалки. P.S. Мечтай! Я все исполню... Стэфан».

Буквально залипаю на словах, написанных Дицони. В каждую букву вглядываюсь, раз в сотый перечитываю.

Звонок сотового заставляет вздрогнуть. Когда вижу имя абонента, поспешно на «принять вызов» нажимаю.

– Поля!

Спустя пять минут моих восторженных девичьих визгов, подруга искренне мне вторит:

– Офигеть! Офигеть! – визжит Полина. – А что в коробочке было? – голос подруги прерывается от возбуждения и нескрываемого любопытства, когда я ей множество фоток

по мессенджеру отправляю.

Среди них и бархатная коробочка, которую сама не знаю по какой причине, открывать не спешу. Клубника в шоколаде – все, что вижу в полупрозрачном окошке.

– Там клубника, – смущено улыбаюсь, все еще находясь под впечатлением от подарка Стэфана.

– Там есть ещё один отсек, – деловито сообщает подруга и, заговорщически понизив голос, добавляет. – В инсте видела у одной американской модели. Ей олигарх похожую подарил.

– Да? – искренне удивляюсь, сразу же склоняясь над коробочкой.

Щеки вспыхивают смущённым румянцем, когда думаю о том, что Стэфан мог подарить ещё что-то, кроме этого невероятного букета. Нет, глупости! Зачем ТАК тратиться?

Сердце останавливается, а затем принимается мучительно на большой скорости биться, когда и в правду вижу нежно-кремовую петельку шёлковой ленты – она выглядывает из небольшого отверстия коробочки. С превеликой осторожностью тяну за атласную ленту. В груди какая-то детская восторженность зарождается.

– Ну, что там?! – шумит в динамике от звонкого голоса Поли. Приходится даже подальше трубку от уха отодвинуть.

– Тихо ты! – слетает с губ раздраженно.

В отсеке еще одна, на этот раз, не очень большая, но очень красивая бархатная коробочка. Перед глазами бархатный квадратик приятного терракотового цвета. Прикусываю

губу. Почти не дышу, когда вижу название бренда, выгравированного на крышке футляра презентабельного вида.

– Не может быть... – шепчу в шоке, чувствуя, что дрожащие пальцы просто отказываются слушаться. Подушечкой пальца буквы обвожу. Я даже мечтать о таком не могла!

Мама называет это дорогими «понтами», а отец намекает, что я еще слишком юная для таких «вложений». Открыв коробочку, прижимаю поспешно руку к губам, от чего мой возглас получается приглушённым и глухим.

– Полин, я перезвоню, – все, что удаётся вымолвить по-друге.

Словно сквозь толщу ваты слышу ее возмущённый крик:

– Зими́на Екатерина Борисовна! – голос Полины почти в ультразвук превращается. – Не смей класть трубку, пока не скаж...

Нажимаю безжалостно на сброс. С трудом возглас восторга подавляю. Словно замороженная, разглядываю браслет, автор которого, несомненно, вдохновился идеей «пояса целомудрия». Его эстетика символизирует вечную любовь. Примеряю золотой обруч на руку. Браслет обладает особым шармом еще и за счет оригинального механизма застёжки. Если его закрыть, то без специального ключика уже не открыть. Черт, да он целое состояние стоит!

Увидев его, мама бы непременно сказала, что это настоящее безумие. Сердце стучит так, что почти ничего не слышу. Понимаю, что в этом случае она и правда была бы права.

Стэфан Дицони, ты просто сумасшедший! В голове пульсирует жарко кровь, по венам растекаются волны восторга. Не верю девушкам, которые говорят, что их не впечатляют дорогие подарки и внимание. Лицемерные врушки! Возвращаюсь к виновнику моего смятения. Дицони, будто опытный пианист, играет на клавишах моих подсознательных желаний.

Застегиваю браслет на запястье. Это действие сопровождается глухой, но отчетливый звук. Восторг и капелька какого-то безумия буквально вытесняют воздух из моих легких. Стэфан чутко уловил мое желание. Желание, чтобы мной восхищались. Чтобы из-за меня теряли голову...

Глава 22

Катя

– Привет.

Хриплый баритон мгновенно вдоль позвоночника импульс посылает. С преувеличенным безразличием делаю очередной глоток из бокала на длинной изящной ножке. Даже взгляд в сторону Дицони не поднимаю. Сучок! Заставил целых полчаса ждать!

Шикарный интерьер ресторана ситуацию не спасает. К черту все эти хрустальные люстры, зеркала, дорогушие мраморные полы! Так зла, что, кажется, все нервные клетки в ожидании Стэфана погибли. Не знаю, как у других, но у меня нервные клетки не только не восстанавливаются, но еще

пытаются отомстить виновным в их гибели! Если бы не браслет, который не могу открыть, ноги бы моей здесь давно уже не было!

Стэфан подходит так близко, что аромат ванили и никотина приятной дымкой окутывает. Сверкает нахально глазами, прежде чем добавить:

– Мне нет прощения, милая, – а затем руки в стороны разводит, извиняясь. – Проверка в офис нагрязнула. Сама понимаешь, не все мне подвластно в этом мире.

Непроизвольно отмечаю, что Стэфан Дицони, как всегда, одет с иголки. Темно-серый костюм в белую клетку добавляет его образу стиля и, даже не побоюсь, этого слова – гламура. С белой рубашкой – просто идеальное сочетание. Понимаю головой, что причина опоздания более, чем уважительная, но гадкий характер наружу рвется. Сурово отчитываю, непримиримо губы поджимая:

– Ты опоздал!

– Ты шикарно выглядишь...

– Ты прощен! – тут же сменяю гнев на милость.

Судя по глазам, еще больший восторг у мужчины вызываю.

– Ты что такая грустная? – Стэфан кладет на стол возле меня небольшой, но очень прелестный букет белых карликовых роз. Бессердечно игнорирую этот милый знак внимания. – Ты и я в лучшем ресторане города. Я счастлив, что...

Фыркаю, почти как разъярённая кошка, перебивая:

– Ты-то, конечно, счастлив, я же лапочка. А мне чего радоваться? – надуваю капризно губы. – Мне было скучно, – киваю на почти пустой бокал. И тут же, не удержавшись, острую шпильку бросаю. – Я попросила записать на твой счет.

Стэфан, хрипло усмехнувшись, присаживается напротив меня. Закрывает широкой грудью весь обзор на живой оркестр ресторана. Впрочем, задержись Дицони еще чуть-чуть, и я бы выучила наизусть весь их репертуар. Пылю мысленно, стреляя в мужчину разъярёнными молниями из-под ресниц. Возмутительно красивый! Какой-то хищной красотой... Да-а, он вовсе не принц на белом коне, о котором мечтают молоденькие девушки, а, скорее, всадник апокалипсиса.

Его грубая, мужская, примитивная сила почти осязаемой первобытной энергией ощущаются. Все это заставляет буквально в несколько раз более ощутимо прочувствовать свою хрупкую женственность.

Скользу глазами по квадратному подбородку, поднимаюсь выше, пока не встречаюсь взглядом с глазами, в которых светится стальная решимость. Она очень подходит его твердому характеру.

– Ладно, не дуйся, лапочка, – примирительно тянет Стэфан, а затем бросает очень опрометчивое обещание. – Я заглажу свою вину.

Не проходит и мгновения, как моей руки касается широкая горячая ладонь.

– Кать, это тебе, – протягивает непонятно откуда взявшуюся черную коробочку, словно фокусник-маг. Хлопаю растерянно ресницами, когда он добавляет. – Осторожно, хрупкое.

Делаю последний глоток, опустошая полностью бокал.

– Что там? – ёрничаю, тем не менее, принимая коробку из рук обаятельного негодяя. С подозрением щурю глаза. – Моя нервная система?

Хрипло посмеиваясь Стэфан, подмигивает.

– Открывай.

Открыв коробочку, возмущенно соплю. Ключ – отвертка! Да-да, тот самый, от браслета, что по его заверениям, Дицони «случайно» оставил у себя.

– Не понимаю вообще, как браслет закрылся, – трогаю подушечкой пальца ключ, а затем вскидываю взгляд на Дицони. – Без него это не должно было произойти.

– Я взял на себя смелость попросить немного подправить механизм браслета у своего знакомого ювелира, – сверкает бесстыже белоснежной улыбкой враг моего отца, а затем и вовсе добавляет возмутительную «вещь»: – Не подумай – это для надежности, не более.

– Ну, да, конечно, – ворчу, притрагиваясь пальцами к запястью, на котором переливается браслет. – Ничего, что мне пришлось ходить с ним несколько дней, не имея возможности снять? Чтобы ты понимал, – возмущаюсь вполне искренне, – мне пришлось с ним даже купаться!

– А вот тут поподробнее, – Стэфан, внимательно посмотрев на меня исподлобья, упирается рукой в подлокотник кресла и пальцами прикасается к своим чувственным губам.

Не знаю даже, чего мне хочется больше: прикоснуться подушечками пальцев к скулам с легкой небритостью или же стукнуть по этому ровному классическому носу.

– Ну-у, – тянет Стэфан, будто подначивая, – если бы ты не упрямилась, милая, мы бы встретились еще два дня назад.

Что?! Определенно, второе – стукнуть по...

– Ладно! Проехали, – бурчу, понимая, что мне не выиграть в этом споре. Меняю тему на все триста шестьдесят градусов. – Расскажи, как ты разбогател? – и мне все равно, что вопрос бестактный и даже вопиющий. Мне для дела надо знать!

– Ты не перестаёшь меня удивлять, милая, – не сдержав изумленного смешка, Стэфан задумчиво откидывается на спинку кресла. – Обычно девушек интересует не откуда у меня деньги, а лишь только, как их потратить.

– Я не такая, как все, – произношу это тоном, подозрительно напоминающим угрозу, – если ты не понял!

– Я уже понял, – примирительно успокаивает Дицони. – Не ругайся, милая.

Терпеливо жду, пока Дицони сделает заказ подошедшему официанту. Как только молодой человек уходит, Стэфан одаривает меня кривой улыбкой.

– Решил разбогатеть, – слегка скучающе начинает

Стэфан, – придумал бизнес-план, но оказалось, что все мои планы уже прописаны в Уголовном кодексе, – поблагодарив официанта, принесшего охлажденную бутылку с каким-то замысловатым названием, Дицони продолжает, – поэтому путь моего успеха оказался немного не таким быстрым, как я на то рассчитывал.

Глава 23

Катя

Спустя время, равнодушно ковыряясь в салате, с интересом наблюдаю за тем, как Стэфан режет сочный ростбиф.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.